

НЧУК «Музей Рыбинские рыбы»
Рыбинский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
Общественная организация
«Землячество мологжан»

УДК 908(470.316)
ББК 26.89(2Рос-4Яро)
МЗ4

*Книга издана при поддержке
Президентского фонда культурных инициатив
по проекту «МОЛОГАФЕСТ 2.0. Хранители огня»*

МЗ4 Материальная и духовная культура крестьян
Молого-Шекнинского края: Этнографический
сборник / Ред.-сост. А. С. Клопов, худ.-илл.
В. А. Добрынинская. — Рыбинск : Издано НЧУК
«Музей Рыбинские рыбы», 2024. — 160 с. : илл.

В сборник включены материалы, раскрывающие особенности материальной и духовной культуры крестьян Молого-Шекнинского края во второй половине XIX — первой четверти XX вв., в том числе, малоизвестные газетные очерки и статьи краеведов того времени, а также не публиковавшиеся ранее тексты мологских песен, частушек, пословиц и поговорок, народных примет и пр.

Издание адресовано как специалистам в области этнографии русского народа, так и всем интересующимся историей и культурой Молого-Шекнинского междуречья, затопленного при создании Рыбинского водохранилища на рубеже 1930-х — 1940-х годов.

УДК 908(470.316)
ББК 26.89(2Рос-4Яро)

© Добрынинская В. А. (иллюстрации)

**МАТЕРИАЛЬНАЯ
И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА
КРЕСТЬЯН
МОЛОГО-ШЕКСНИНСКОГО КРАЯ**

Этнографический сборник

Рыбинск
2024

От редактора-составителя

Настоящая книга посвящена материальной и духовной культуре крестьян Молого-Шекснинского края, в основном, Мологского уезда Ярославской губернии, во второй половине XIX — первой четверти XX вв. Тексты, собранные здесь, представляют собой не только малоизвестные очерки и статьи краеведов (раздел I), но и собственно фольклорный материал, не издававшийся ранее: песни, частушки, пословицы, приметы, поверья и т. д. (раздел II).

Издание не только обобщает уже известные специалистам краеведческо-этнографические тексты, но и впервые вводит в научный оборот ряд архивных и музейных источников. Надеемся, что сборник будет востребован не только исследователями русского фольклора, но и широким кругом читателей, интересующихся историей и культурой затопленных на рубеже 1930-х — 1940-х годов территорий Молого-Шекснинского междуречья.

Отбор текстов для первого раздела осуществлялся как в ходе нашей собственной исследовательской работы, так и по материалам диссертации Ж. К Гапоновой «Лексика мологских (ярославских) говоров XIX–XX вв. (Ярославль, 2008). Тексты публикуются в хронологическом порядке их создания; в некоторых случаях их авторские названия изменены на редакторские¹. Также приводятся краткие сведения об авторах.

Фольклорный материал для второго раздела был обнару-

¹ Например, название одной из статей А. Ф. Овсянникова «Из Мологского уезда» изменено на «Пьяная Молога», как более точно отражающее содержание материала; при этом в ссылке на первоисточник публикации приводится авторское название.

жен и отобран нами для публикации в ходе работы в Российском государственном архиве литературы и искусства (гор. Москва) и Государственном архиве Ярославской области (гор. Ярославль). Тексты публикуются с сохранением лексических и стилистических особенностей первоисточников. Некоторая обработка (адаптация) была проведена лишь в отношении нескольких частушек, а также «*Сказки про Осипа и Маланью*».

Все тексты в сборнике сопровождаются комментариями, составленными, в основном, по «Словарю русских народных говоров» (1965 — наст. время; тт. 1–52) и «Ярославскому областному словарю» (1981–1991; тт. 1–10). Комментарий к «*Травнику Тимофея Рыжикова*» составлен Гариным Э. В., к. б. н., старшим научным сотрудником Института внутренних вод им. И. Д. Папанина РАН.

Издание иллюстрировано вологодской художницей Верой Александровной Добрынинской.

Благодарю за помощь в подготовке данного сборника руководство и сотрудников Государственного архива Ярославской области, а также Жанну Константиновну Гапонову, Эдуарда Витальевича Гарина, Вячелаву Александровича Дмитриева, Елену Евгеньевну Клопову, Ольгу Александровну Коробкову, Елену Владимировну Толкачёву, Сергея Храпова.

Анатолий Клопов

I.
ОЧЕРКИ И СТАТЬИ

Малиновский В. П.

БЫТ И ЗАНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ГРЯЗЛИВЕЦКОГО СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА¹

Май месяц нынешнего 1859 года по обстоятельствам пришлось мне пробыть в одном из сёл здешней губернии, именно — селе Захарыне Мологского уезда. Село это на самой границе к Новгородской губернии, Череповецкому уезду. Приход двухкомплектный, но сколько в нём душ положительно не знаю, кажется, 1 100 душ. Крестьяне этого прихода почти все государственные и принадлежат к Грязливецкому отдельному сельскому обществу, кроме одной небольшой деревни *Терина*, которая принадлежит какому-то помещику. У соседей они известны под именем *Монастырщины*, или *Никольщины*, потому что в прежнее время принадлежали монастырю, который назывался *Николо-Выксино*.

Проводя в деревне время, я частью из любопытства, частью от нечего делать, от скуки, присматривался к быту казённых крестьян и для уяснения себе настоящего их положения заводил иногда с ними разговоры об их житье-бытье, расспрашивал об их нуждах, об их хозяйственных и промысловых занятиях и

¹ Публикуется впервые, с некоторыми сокращениями, по авторизованной рукописи, хранящейся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 586. Оп. 2. Д. 7. Л. 2–13об). Текст адресован управляющему Ярославской палатой Государственных имуществ, этнографу и библиографу Евгению Ивановичу Якушкину (1826–1905).

Малиновский Владимир Петрович (?–?), чиновник Ярославской палаты государственных имуществ, коллежский асессор (1859).

тому подобное, и, поверяя, где это возможно было, их рассказы собственным наблюдением, нашёл и убедился в следующем.

I.

Быт этих крестьян близко ещё подходит к быту патриархальному. Во всём у них видна резкая простота и наивность. Живя в углу, в глуши, в удалении от городов², к ним не успело ещё проникнуть и прижиться ничего городского. В самих нарядах и модах, так повсюду заразительных, крестьяне ничего ещё не успели позаимствовать от города. Сибирка у мужчин и сарафан у женщин — вот наряд.

Впрочем, этот местный их костюм так хорошо их украшает, что не надобно желать им лучшего. Мне случилось видеть этот народ в его наряде в один из храмовых праздников в деревне Боброво. Деревня большая, домов семьдесят, если не более.

Молодые девушки и женщины праздновавшей деревни и прибывшие к ним в гости из других соседних деревень, собрались на улицу играть в хоровод. Улица длинная, широкая, сухая и чистая, покрыта зеленью. Погода в мае месяце нынешнего года была чудная. Зазеленевшие кругом поля и видневшийся вблизи лежащий сосновый, еловый и берёзовый леса делали воздух и приятным, и здоровым. Крестьянки явились все одетыми в красные, как мак, сарафаны с передниками, и в белых, как снег, с широкими рукавами рубашках, как будто воспитанницы одного какого-нибудь благотворительного учреждения. Молодые ребята в суконных сибирках. Несколько поодаль этого молодого кружка группировались в разных местах уже более пожилые мужчины и женщины и, толкуя про былое, любовались на гуляющих. Строгий, но непринуждённый во время игр порядок и беззаботная, непритворная весёлость на лицах гулявших довершали эффект картины.

² Ближайший город здешней губернии, Молога, отстоит от этой деревни на 60 вёрст. *Прим. автора.*

Патриархальность этого народа резко заметна и в других, более серьёзных проявлениях жизни. У крестьян, говорят, почти не бывало никаких дел по судебным и присутственным местам. Это объясняется, с одной стороны, тем, что в них ещё живо сохранились завещанные им предками, внушённые самой природой правила честности, а с другой — тем, что в случае каких-нибудь нарушений этих правил, у них существует *свой суд и расправа*.

Это бывает обыкновенно так: заметят, что кто-нибудь провинился в чём-либо, сей час десятского. «Эй, вести народ на улицу», — говорят ему. Десятский, обходя деревню, стучит под окном каждого дома и кричит: «На улицу!». Хозяин дома или, в случае его отсутствия, старший по нём непременно должен выйти из своего дома на известное уже место, на улицу.

Собираются таким образом все домохозяева деревни и толкуют, как и чем решить дело. После разных рассуждений и трений, наконец, по большинству голосов, дело решается — виновный или прощается на первый раз со строгим внушением впредь подобного не делать или приговаривается к известному наказанию, например, чтобы испросить прощение у обиженного или заплатить ему за обиду.

Если кто украл у кого-либо что-нибудь или если у кого найдут краденое, то виновного кругом обвешивают крадеными вещами и, собравши весь народ на улицу, с барабанным боем, то есть со стуком в доски, в сковороды, в жестяные листы, со звоном в колокольчики и тому подобное проводят несколько раз вдоль улицы и в заключение при всём собрании народа среди улицы наказывают розгами. А если покража довольно значительна, то тем же барабанным боем водят виновных и по всем соседним деревням и, наконец, сдают начальству.

Почти то же бывает с нарушителями правил о *запрете на репу*. Запрет на репу — это значит: так как репа у всех крестьян известной деревни сеется в одном месте — для чего обыкновенно отводят они себе часть поля, то чтобы избежать

преждевременного истребления этого овоща, всем и каждому, до известного времени, запрещается пользоваться репой, и запрет этот охраняет овощ лучше всякого самого строгого караула. Помилуй Бог переступить этот запрет. Искушения, говорят, чаще падают на женщин. Виновную, по приговору собрания, при стечении всех жителей деревни в каком-нибудь странном, смешном наряде и с коровьим колоколом³ на шею проводят несколько раз вдоль улицы, наговаривая ей со всех сторон нравоучительные наставления с присовокуплением, в ином разе, и розог. Подобные запреты бывают и на ягоды в лесу, чтобы дать время им созреть как следует.

Чрезвычайно любопытны и тоже отличаются необыкновенной простотой свадебные обряды крестьян, резко характеризующие народ; но о них расскажу я особо, в отдельной статье, в дополнение к этой.

Причина всех этих особенностей народа — замкнутость его в своей собственной сфере вследствие географического положения края, им заселяемого, и в следствие особенных у народа занятий, не легко и не тесно сближающих его с другим народом.

II.

Крестьяне вообще неутомимо трудолюбивы, в расходах своих, даже на житейские нужды, чрезвычайно расчётливы и умеренны и, однако же, несмотря на всё это, почти все они бедны как нельзя более и терпят во всём великие нужды. Нет ни одного дома, который не испытывал бы недостатка в самых необходимых, в самых существенных потребностях жизни. Правда, что между крестьянами этими нет ни одного нищего, то есть нет ни одного человека, который бы снискивал себе пропитание подаяннем; но это не потому, что между ними нет таких же нуждающихся, как и пропитывающих

³ То есть с колоколом, который обыкновенно навязывают коровам на шею, когда отпускают их на пастбище в лес, чтобы посредством звона от этого колокола удобнее было их пасти. *Прим. автора.*

себя в других местах милостыней, а единственно потому, что ходить по миру считается у них за стыд, за грех. Черта похвальная и редкая!

Что же за причина такого положения этих тружеников? Разве земля не вознаграждает их за труд? Разве не имеют они промыслов или промысловые их занятия так бедны и ничтожны, что не доставляют никаких им выгод? Ни то, ни другое!

Земля у них плодородная. Рожь, например, родится сама-девята и сама-десята, то есть на четверик бывает приплоду восемь и девять четвериков, а иногда и более. Один домохозяин рассказывал мне, что у него рожь очень часто родится сама-двенадцата, а по один год уродилась сама-шестнадцата. Рожь здесь очень приплодна. Овёс родится сам-четырьть, ячмень — сам-семь и сам-осемь, пшеница тоже, но её, равно как и ячмень, сеют здесь и мало и не все — по причинам, о коих объяснено будет ниже. Кроме того, здесь сеют так называемую ярицу. Это тоже рожь, только мелкая и сеется обыкновенно весной, а не осенью. В других местах её не сеют — урожаем её почти такой же, как и овса.

Итак, судя по приплодам, здешнюю землю никак нельзя назвать не хлебородной, напротив, в других местах урожаи хлебов бывают гораздо беднее.

Крестьяне имеют также и промыслы, и промысловые их занятия тоже доставляют им хорошие выгоды. На них употребляется крестьянами лишь время зимнее, свободное от полевых работ. Занятия эти почти исключительно суть: кузнечество и плотничанье — последнее преимущественно. Других промыслов, по отдалённости от городов, почти вовсе нет.

Кузнечеством занимаются дома. Многие крестьяне имеют свои домницы⁴ и кузницы, и производят в них работу — иные на себя, то есть для свободного распоряжения накованными

⁴ Правильнее, я полагаю, дымницы, от слова дым, потому что горны, где расплавляется железо, не имеют труб, и оттого дым пробивается наружу уже сквозь крышу здания. *Прим. автора.*

вещами по своему усмотрению, а другие по подряду, то есть для других лиц. Не имеющие собственных домниц и кузниц нанимаются в работники у первых и получают за труды условленную плату, которая хорошему работнику бывает не ниже пяти и шести рублей серебром в неделю. При этих работах особенно в домницах с пользой употребляются и дети.

В домницах из чешуи⁵ выдувают крицы⁶, а также куют котлы и лопатки⁷, а в кузницах куют гвозди, выковывают земледельческие орудия, как-то: лемехи и сохи, вырабатывают из криц железные полосы и полосы эти режут на прутья. В двух последних случаях действуют не столько людьми, сколько посредством лошадей, и кузницы эти называются уже заводами. Их в приходе села Захарьина три: два в деревне Изине и один в деревне Терине. Резка железа на прутья производится только на одном последнем. Так как я был в деревне в мае месяце, то мне не удалось видеть заводов в их ходу, потому что работа на них, равно как и во всех кузницах и домницах, производится лишь только зимой.

Плотничаньем занимаются на стороне. Плотники-работники тоже получают хорошую плату за труды — не менее пяти и шести рублей серебром в неделю. Такие выгодные заработки не везде можно встретить не только в здешней губернии, но и в других. Двадцать с лишком рублей серебром в месяц — это для работника превосходный заработок.

Итак, от чего же в народе бедность? Стало быть, мало у крестьян земли? И да, и нет, хотя ответ и не логичен. Да — потому, что здесь, действительно, мало земли, но мало земли разработанной, которая приносит пользу. Нет — потому, что здесь, действительно, много земли, но много земли неразработанной, которая никому и никакой пользы не приносит.

⁵ Чешуя — это самые мелкие частицы, отскакивающие от железа при ковке его. Чешую эту скупают в разных местах, где есть кузницы или кузнечные заводы. *Прим. автора.*

⁶ То есть слитки. *Прим. автора.*

⁷ То есть заступы. *Прим. автора.*

В старину, как видно, было здесь не то. Сохранились ещё повсюду почти места, где и теперь ещё ясно видны следы бывших тут запашек — места и доселе ещё, поэтому, имеющие в народе название паханых нив. Места эти доказывают ясно, что хлебопашество в старину было здесь в больших размерах. Но к какому именно времени следует отнести это хлебопашество, за неимением под руками никаких исторических данных об этом крае и не получив по сему предмету никаких положительных сведений от крестьян, решить не берусь.

В настоящее время главный недостаток здесь в покосе. В этом вся беда. Без травы и сена здесь крестьянину и делать нечего с хозяйством, потому что плодородие почвы в этой стороне условное — земля непременно требует удобрения. В других местах, например, по реке Шексне, по Мологе и другим, орошающих во время весеннего разлития поля, яровой, то есть не озимый, весенний хлеб сеется в землю без предварительного её к тому приготовления удобрением, и земля приносит плод.

Здесь же не только озимый, но и яровой хлеб без предварительного удобрения земли не вырастет, и потому овёс и ярицу сеют обыкновенно в следующую весну по снятии озимого хлеба — ржи, под которую кладётся удобрение — в ту же самую землю, а ячмень и пшеница требуют непосредственного удобрения, то есть в ту же самую весну, в которую сеются, хотя бы земля была и из под ржи — от того, за недостатком удобрения, их мало здесь и сеют. Конопель⁸, лён, картофель, капуста, репа и все прочие требуют тоже непосредственного удобрения земли. И чем больше удобряется земля, тем лучший приносит плод. Но чтобы иметь достаточный запас для удобрения необходимо содержать довольноное количество скота — для скота нужен корм, а его-то и нет у крестьян по недостатку покосов — за неимением же сена, нет у крестьян и хлеба.

⁸ Конопель — конопля.

В недостаточности покосов крестьяне много, если не совершенно, виноваты сами. Покос пролегает здесь по берегам рек Искры, Санжевы и Ятины и около ручьёв. Искра — река, впадающая в Шексну, ещё и туда, и сюда, то есть, хотя и загромождена, но ещё имеет течение довольно быстрое и фарватер её не пересыхает — впрочем, этому много способствует содержание на ней двух мельниц в деревнях Хебове и Терине, а лет двенадцать тому назад была ещё третья мельница в деревне Боброве, а потому и покосные места по этой реке не совсем ещё плохи.

Но реки Санжева и Ятина, впадающие в Искру, запорожены крестьянами совершенно, и это постарались и сумели они сделать следующим образом: здесь, в осеннее время, перед покрытием реки льдом или вскоре по покрытии, и в весеннее, когда несколько сбежит полая вода, вошло в обыкновение делать езы, или заезки, для ловли рыбы.

Езы — это перегородки через реку, деланные из кольев и длинных поленьев, приставляемых вертикально, один под другим, к кладям, то есть брёвнам, перекинутым поперёк реки. Эти поленьяные перегородки, сверх того, *захваиваются*, то есть покрываются в реке, по течению воды, еловыми, в несколько рядов, лапами для того, чтобы ими прикрыть могущие остаться там, между поленьев или кольев, промежутки и тем преградить проход сквозь них для рыбы. В перегородках оставляются два-три или несколько, смотря по ширине реки, свободных, то есть незагороженных пространств, в которые вставляются жёрды, то есть плетённые из ивовых прутьев кувшины с горлами внутри, в которые и ловится рыба. Так как эти жёрды, привязанные к длинным шестам или клиньям, опускаются на дно реки, то свободное, незагороженное пространство в глубь реки, от жёрды до кладей, сквозь которое легко могла бы пробираться рыба, также загораживаемая еловыми лапами, которые, при вытаскивании кувшина из реки, обыкновенно вынимаются оттуда, а по погружении кувшина в воду, опускается опять на привычное место.

Таких езов бывает множество, иногда на пространстве совсем небольшом, часто один заезок от другого отстоит сажень на двадцать, не более. Устраиваемые таким образом езы никогда не разбираются, а придёт весна, разольётся вода и весь этот дрязг погружается на дно реки. Затем, вместо разрушившихся, устраиваются таким же образом новые езы, подвергающиеся с разлитием воды той же участи. Хотя рыбы здесь и вовсе почти нет, так что иной рыболов не добудет и на грош; но устройство езов непременно повторяется каждую весну и каждую осень. Ведь есть же люди, просиживающие иногда по целым дням на берегу реки с удой в руках, не вылавливают оттуда иногда ни одного пискаря для своего удовольствия.

И здесь рыболовлей руководит не польза, народом из этого извлекаемая, а одна лишь глупая и вредная забава. В прежнее время, когда реки были в надлежащем виде, говорят, действительно, здесь было немало и рыбы, но с засорением рек рыбы не стало почти вовсе, обычай же ловить её остался.

Кроме того, здесь в каждой деревне довольно в большом количестве мочат в тех же реках конопель, в снопах, приготовляя его таким образом для выделки из него кудели, а также хлеб, в мешках, для приготовления из него солода. Конопель и хмель погружаются в воду также посредством гнёта их толстыми обрубками дерева, которые по вынутии из воды конопля и хлеба, оттуда тоже никогда не выбираются. Лесу здесь много, а потому крестьянин не дорожит, о вреде же не думает.

А между тем последствия такого порядка таково, что река Санжева, в прежнее время и довольно глубокая, и довольно быстрая с каждым годом засоряясь всё более и более, ныне почти совершенно прекратила своё течение. От этого берега её, везде низменные, составляющие место покоса крестьян, обратились теперь почти в болота, с каждым годом всё более и более делающиеся неспособными к травопроизращению.

Хорошая и обильная в прежнее время на берегах этих трава переродилась, наконец, в осоку — самую худшую из трав, употребляемых для прокормления скота. Болото другой

травы произрастать и неспособно, но и эта трава от застоев воды, не имеющей свободного течения, покрывается тиной и делается таким образом не только непитательной для скота, но даже вредной для него.

Река Ятина совершенно уже прекратила своё течение, остались только в разных местах по её течению бачаги и омуты⁹, и покосные берега её обратились в совершенное болото. По берегам реки Санжевы хотя плохое травokoшение, но ещё продолжается доньше, по берегам же реки Ятины года три тому назад как травokoшение совершенно уже бросили, и земля остаётся теперь впусе.

То же самое, без всякого сомнения, в скором времени должно быть и с рекой Санжевой и её покосами. Прилегающие в разных местах ручьи, по которым также производится небольшое травokoшение, по всей вероятности, в прежнее время были тоже речки, которые с течением времени от небрежности владельцев их обратились, наконец, в настоящее их состояние. Ручьи эти тоже не имеют свободного течения, кроме весеннего времени, а только бачашки¹⁰, и потому берега их составляют местность тоже топкую. Места же, более или менее удаляющиеся от берегов, хотя и не имеют этой топкости, но они покрыты почти сплошь кустарником, а потому и здесь травokoшение плохое. Покосов же в других местах не имеется, хотя и можно бы иметь.

Тяжелы для крестьян последствия всего этого! Горький след оставила за собой их непредусмотрительность! Теперь решительно здесь нет ни одного дома, который не *кортомил*¹¹ бы травы и не покупал бы хлеба. И какие огромные, ужасающие суммы расходуются крестьянами на это! В общей сложности крестьяне, примерно в количестве душ от тысячи до полуторы, постоянно, каждый год, кортомят для своего скота травы тысяч на сорок рублей ассигнациями, да на

⁹ То есть как бы озерки и озёра. *Прим. автора.*

¹⁰ То есть самые небольшие озерки. *Прим. автора.*

¹¹ Кортомить — покупать траву на корне. *Прим. автора.*

столько же покупают каждый год хлеба — итого в год расходуют на эти самые необходимые предметы 80 тысяч рублей ассигнациями, в десять лет — 800 тысяч рублей ассигнациями. Ужас!

И с какими, кроме того, затруднениями и неудобствами сопряжено это кортомное травокошение! Кортмоят вёрст за 20–25 от своих жилищ и более. Случается, отправится крестьянин со всей семьёй своей, а иногда и с нанятыми рабочими в кортомные на сенокос и лишь только успеет приехать на место, вдруг ударит непогода. Несчастный, не зная, скоро ли она кончится, или остаётся там выжидать хорошей погоды, или другой, поретивее, принимается за работу и подкошенную им траву сгноит, или третий, ничего не сделавши и потеряв только даром дорогое ему время, возвращается, насупившись, домой, в свою хижину, и после уже отправляется туда опять.

Перевозка из кортомных сена тоже сопряжена с большими хлопотами и неудобствами. Она делается обыкновенно зимой, а так как это время у крестьян есть время промысловых их занятий, для которых большая часть из них отправляются на сторону и дома остаются только женщины, иногда одна только хозяйка с малолетними детьми, то некоторые крестьяне принуждены бывают по необходимости с убытками для себя оставлять свои работы и возвращаться домой для перевозки только сена и потом уже опять отправляться для заработков.

Да, дорого обходится этому народу кусок насущного его хлеба. Мудрено ли, после этого, что здесь гнездится повсеместная бедность? Но в этом случае удивляешься даже не столько бедности народа, сколько его труду, его энергии — как ещё стает у него сил добывать такие огромные суммы, приобретая не торговыми какими-нибудь оборотами или спекуляциями, где часто весьма важную роль играет случайность, но единственно трудами рук своих.

Удивляешься, с другой стороны, тому, что эти добытые тяжёлым трудом деньги проходят у народа меж пальцы, даром, не оставляя за собой никакого следа благодетельного, тогда

как сколько бы можно было сделать и доброго, и полезного на эти огромные суммы? Ведь в деревне можно бы сотворить на них чуть не чудеса!

Удивляешься, наконец, тому, что всё это доселе ещё остаётся незамеченным у непосредственного и ближайшего его начальства. В самом деле, есть у них и окружные начальники, и их помощники. Ведь не для того же только созданы и существуют эти люди, чтобы выбить из народа подать, да пробавлиять¹² себя на счёт его. Их долг — содействовать благосостоянию крестьян. А для этого им необходимо вникнуть во всех подробностях в положение крестьян заведываемых ими округов, изучить их быт, им должны быть известны все нужды крестьян, как свои пять пальцев, они обязаны изыскать и средства к отстранению этих нужд, ибо они, в тесном значении слова, то же, что приказчики в помещичьих имениях. Материальное благосостояние крестьян — вот непрменный их долг, их цель, прямая их обязанность; потому что Министерство государственных имуществ есть *министерство имуществ*.

Но вернёмся к нашему предмету. Народ и судьбой, и самим положением своим предназначенный к тому, чтобы развивать жизненное, материальное довольство не для себя только, но и для других, имеющих своим назначением и цели и занятия иные, в десятилетие сам убивает 800 тысяч рублей ассигнациями для того только, чтобы не умереть с голоду. Нет — это не так. Такое положение крестьян есть положение не нормальное. Долг не одной филантропии, но и долг справедливости требует от тех, к чьей обязанности это относится, вывести их из такого положения. <...>¹³

Обращаясь, затем, к другой стороне описываемого мной народа — к стороне умственного его состояния — нельзя не заметить, что в народе этом проявляется довольно сильное желание обучать детей своих грамоте. У одного причетни-

¹² Жить.

¹³ Здесь опущены конкретные предложения автора по улучшению быта крестьян.

ка между обучающимися крестьянскими мальчиками я видел двух крестьянских девочек — знак, что потребность грамотности в народе сознаётся.

Но в Грязливецком отдельном обществе нет ни одного училища, и потому крестьяне, в таком случае, прибегают обыкновенно к духовным, как единственному средству. Но духовные, сами занятые, также как и крестьяне, хозяйственными земледельческими работами, или вовсе от этого отказываются или же берутся за дело неохотно, и то уже по устной разве просьбе коротко знакомого крестьянина.

И потому народ, не имея возможности удовлетворить благим своим желаниям, по необходимости обрекает и детей своих — это будущее поколение — тому же невежеству, в котором сами коснели.

Итак, не мешало бы подумать и об устройстве в Грязливецком отдельном обществе училища для обучения крестьянских детей грамоте. Положить материальное основание к распространению в народе грамотности, то есть устроить училище и изыскать средства на содержание учителя — это то же лежит на обязанности Министерства государственных имуществ. Построить дом для училища здесь дорого стоить не может. Лес свой, плотники свои, кузницы тоже — всё под руками. А положить учителю на содержание жалование, которое, как известно, довольно ограничено, обременить крестьян никаких не может.

Да, при проявляющемся сознании народа к образованию своих детей, устроить здесь училище необходимо. Не оказать содействия к развитию в народе этого сознания — грех. Ведь это источник живой воды, который оплодотворил бы и настоящее, и будущее. Оживить цепенеющие силы духа, воскресить спящие умы народа — великое, святое дело!

Возражения, что крестьяне сами не ходатайствуют об устройстве того, о чём я здесь писал, были бы не уместны. У нас Правительство для своего народа пока ещё обязано делать всё само.

Лавров В. А.

ВЫЛЬНИЦЫ В МОЛОГСКОМ УЕЗДЕ¹

По пути от города Мологи к селу Красному-на-Шексне, начиная от деревни Василисова, в селе Городке, деревнях Воятицах, Рындине и других окрестных селениях, на крестьянских свадьбах выльницы составляют самых необходимых лиц. Севернее села Красного выльницы также бывали, но за правым (по течению) берегом Мологи их неслышно, как за левым почти неизвестно о самокрутках².

Выльница — обыкновенно женщина не старых лет, бойкая и по-своему красноречивая; при этом она непременно должна обладать звонким голосом. Хорошая слава о выльнице, вопреки пословице, не лежит, а бежит — распространяется по всему околотку³. Например, лет двадцать тому назад в Красном была выльница Матрёха, которую исключительно приглашали не только на все свадьбы в этом большом селе, но и уводили в ближайшие к нему деревни.

Накануне свадьбы, когда собираются в дом невесты её подружки-девушки, выльница начинает причитать. Причёт — это нечто среднее между плачем и пением, или точнее, то и

¹ Печатается по: Лавров В. Выльницы в Мологском уезде // Ярославские губернские ведомости. 1869. Ч. неофиц. № 4. С. 3.

Лавров Василий Арсеньевич (?-?), краевед-фольклорист 1860-х гг., исследователь старообрядчества, корреспондент ярославских и столичных газет; автор очерков по этнографии Ярославской губернии, в т. ч. Мологского уезда.

² Самокрутки — девицы, выходящие замуж без согласия родителей. *Прим. автора.*

³ Околоток — окружающая местность, окрестность.

другое вместе. С причётами же сопровождается в этот вечер в баню невеста со всеми собравшимися подругами, сколько бы их не было. В причётах оплакивается расставание с девичьей *красотой* (жизнью) и рассказывается о будущем счастье: богатстве семьи жениха (иногда вовсе небывалом, как увидим ниже).

В день свадьбы, когда приедет поезд⁴, вильница повторяет тоже, что и вчера. Ей вторит и невеста. Сколько искренности в плаче невесты, можно судить из следующего наивно-го ответа одной, которую мать уговаривала не выть. «Ишь ты, матушка, вышла за моего батюшку, а меня отдаёшь за чужого мужика! Ищо бы не плакать?», — отвечала сквозь слёзы девушка.

Если жених из другого селения, то вильница получает от родственников невесты подробные сведения об имуществе жениха, виденном этими родственниками. Случилось однажды так: родители невесты видели в доме жениха, в далёкой деревне, полные закромы хлеба и много хорошего скота. На радостях отец невесты посулил вильнице полосмѣны ржи; та не ударила себя в грязь лицом, и подругам невесты оставалось только позавидовать её «счастью». Но грустная действительность горько разочаровала мнимую счастливицу. Тотчас после свадьбы добрые односельцы молодого, снабдившие его отца-бедняка хлебом и скотом на смотрины, развезли первый и развели второй.

Такие случаи бывают, впрочем, редко, потому что для узнавания о женихе или невесте всей правды собираются слухи отовсюду. Отец или мать, повстречав дорогою односельца жениха или невесты, спрашивают всю подноготную. Вот случай, доказывающий с какой тонкостью выведывается правда: мать жениха шла путём-дорогой с женщиной из той деревни, в которой жила невеста. О невесте женихова мать слыхала, что та гуляла с парнем и, желая поверить слухи, держала к сопутнице такую речь: «Ищем мы невесту нашему

⁴ Поезд — здесь: свадебная процессия жениха.

парню; один только и был, всё имение пойдёт ему; слышали мы, что у вас, у Ивана Петрова, больно хороша невеста, да только сестра-то её замужем робят не рожают; ну, как и этой Бог не даст, вот и боимся, потому что хочется больно внучаток-то...». — «Ой, матушка! В этом будьте без сумления: на самой Покров⁵ принесла дочку!», — утешала старуха.

Но возвратимся к выльницам. Они получали прежде за свой труд с богатой невесты пшеничный пирог, ржаной коровой и деньгами рубля два на ассигнации; с бедной довольствовались двугривенным⁶ и короваем.

В последнее время обычай так убийственно выть на свадьбах, как выли прежде, соблюдается реже и, может быть, скоро исчезнет совсем: свободный крестьянин когда-нибудь на свадьбе сестры или дочери заменит вытьё молодецкой русской песней, под напевы которой сердце радуется, душа на распашку, а ноги так и ходят ходенём.

⁵ Покров Пресвятой Богородицы — церковный праздник, отмечаемый 1 (14) октября.

⁶ Двугривенный — монета номиналом 20 копеек.

Лавров В. А.

БОЖАТКИ В МОЛОГСКОМ УЕЗДЕ¹

Божатка — крёстная мать. С той минуты, как она приняла из купели ребёнка, в доме его родителей она становится лицом уважаемым, — поэтому и приглашается в божатки женщина или девица любимая. Так, например, во время первой беременности женщина просит подругу своей девичьей жизни быть божаткой, «когда Бог даст».

В то время, как повитуха хлопочет «скверного ради прибытка», божатка помогает родильнице и трудом, и материально, ради дружбы. А при этом случае хлопот полон рот; страданий родильнице — бездна, потому что кроме естественных страданий к ним прибавляется несколько собственно старухой-повитухой, которая с костлявыми руками изучала акушерскую науку, не выходя из своей деревни.

Здесь скажем об одном вредном лечении детской болезни *щетинки*². Эта болезнь упоминается под тем же названием, в числе шестнадцати детских болезней, в книге одного профессора Харьковского университета, доктора медицины.

Вот что говорят повитухи о щетинке: когда беременная женщина поест свинины, то носимый ею ребёнок поражается болезнью щетинкой. И если ребёнок родится больным, то деревенская повитуха доконает его. Узнав от матери, что она, будучи беременной, ела свинину, повитуха или делает сама,

¹ Печатается по: Лавров В. Божатки в Мологском уезде // Ярославские губернские ведомости. 1869. Ч. неофиц. № 6. С. 1.

² Щетинка — жёсткие волосы, которые растут под кожей младенца, причиняя ему боль и неудобство.

или велит божатке сделать следующее лекарство; берут пшеничной муки и красного мёду³. Так как ни того, ни другого в запасе не бывает, то муку берут у просвирни⁴, а мёд — у церковного старосты, который держит его для продажи на поминки родителей. Из мёду и муки пекут лепёшку, и в бане, а часто, за неимением её во всём селении, в печи, куда влезает повитуха, — растирают лепёшкой спинку ребёнка. Сил употребляется сколько хватит, и ребёнок вынимается из жаркой печи едва живой. «Ну, вот и полегчало, и утих!», — утешает повитуха.

Через день или два ребёнок умер. Вздохнёт отец, поплачет божатка, и попричитает мать вроде того: «Не полазита по лавоцке, не поеста толоконные⁵ шишецки⁶».

Но если ребёнок, вопреки всем заботам повитухи об его жизни, живёт, то божатке много радостей и почёта впереди. На свадьбе крестника или крестницы божатка — в числе лучших гостей. Если к тому времени родной матери нет в живых, то никто не приглашается в посажёные матери, кроме божатки. С чужой стороны ей присылается с любовью низкий поклон и просят её благословение. Умрёт божатка, и тут её не забудут: имя её записывается в поминанник⁷. В Светлый праздник⁸ крестница пойдёт на погост христосоваться с родными и уж непременно зайдёт на могилку божатки, набожно помолится, посидит, подпёрши рукой щёку, и задумчиво взглянет на свою сельскую церковь...

³ Красный мёд — гречишный.

⁴ Просвирня — женщина, занимающаяся выпечкой просфёр (белые круглые хлебцы с оттиснутым изображением креста, употребляемые для совершения евхаристии).

⁵ Толокно — мука, запечённая в закрытом горшке (в русской печи).

⁶ Шишечка — величиной в палец, из густо разведённого толокна; даётся ребёнку месяцев через десять после рождения, когда будущему силачу уже начинают присосывать жёванный ржаной хлеб, завернутый в тряпку. *Прим. автора.*

⁷ Поминанник — тетрадь со списком имён для поминовения в храме.

⁸ Светлое Христово Воскресение, или Пасха.

Лавров В. А.

ИЗ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК О МОЛОГСКОМ УЕЗДЕ¹

В четверг на Страстной неделе, или по-здешнему — в Великий четверг, в пришекснинской стороне этого уезда существовало следующее поверье лет двадцать тому назад. (Оно и теперь существует, но в меньшей степени).

Ещё до рассвета, перед заутреней, мужчина, женщина или девица, желающие узнать, хорошо ли они проживут в течение года (считая его с Пасхи до Пасхи), отправлялись на повёт², взяв ведро или шайку холодной воды и там, раздевшись, окачивались этой водой. Если в момент окачивания загадывающий о будущем не охнет, не взвизгнет, то это значит, что весь год проживёт он не охнувши, то есть в довольствии, без печалей и болезней.

Четверговая соль³, хотя и слишком известна в крестьянском домашнем обиходе, но так как о ней нам не приходилось читать, то, может быть, не лишним будет сказать об этой соли два-три слова. Завязав соль в тряпицу, а если есть квасная гуща, то и вместе с ней, хозяйка-большуха⁴ кладёт её в печь в горн и часа через три вынимает вон. Четверговая соль

¹ Печатается по: Лавров В. Из этнографических заметок о Мологском уезде // Ярославские губернские ведомости. 1869. Ч. неофиц. № 16. С. 4.

² Повёт — бревенчатый настил над двором.

³ Четверговая (чёрная) соль — соль, приготовленная особым способом в Великий четверг Страстной седмицы.

⁴ Большуха — старшая в семье, хозяйка в доме.

считается целительным средством от всякой болезни, также призо́ру⁵ и озе́пу⁶.

Кстати, ещё об одном обычае: в среду, на четвёртой неделе Великого поста, пекут кресты. Если примерно в семье десять человек, то пекут пять крестов с вложенными в них медными или серебряными монетами, а другие пять — без них. Когда кресты вынут из печи, то каждый из семьи берёт один крест; если попадёт с монетой, то взявший его будет жить хорошо, а если без монеты, то бедно.

Если деревенской женщине доведётся говеть⁷ на Страстной неделе, а село далеко (есть по семь и даже по десять вёрст), то она суток за два, за три до исповеди отправляется в село и живёт там у знакомого крестьянина или у церковника. За приют она в свободное от церковной службы время бесплатно шьёт на хозяев, переполощет пареную пряжу, вымоет в доме полы — одним словом, говельщица есть самая услужливая работница. Лет тридцать тому назад по вечерам прихожие говельщицы соберутся к одному церковнику и тот читает им исто́во⁸ жития святых, и все слушатели довольны...

⁵ Призо́р — нехороший, дурной взгляд.

⁶ Озе́п — болезнь от глаза.

⁷ Говеть — поститься и посещать церковные службы, готовясь к исповеди и причастию в установленные церковью сроки.

⁸ Исто́во — вразумительно, внятно. *Прим. автора.*

Овсянников А. Ф.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ ЛИХОРАДКИ И ЗУБНОЙ БОЛИ¹

Случай позволил мне ехать из Мологи по просёлочному тракту к Череповцу. В одной деревне пришлось кормить лошадь и пить чай. Во время чаепития я увидел закоптелую книгу; посмотрел — псалтирь, а в ней, вижу, спрятана бумага, исписанная старинным почерком порядочного писака красноватыми чернилами: *Заговор от трясавицы*.

Спрашиваю хозяина: «Кто по этой бумаге лечит?» — «Да, никто, дескать, теперь-то не лечит, а вот прежде отец мой больно хорошо пользовал²; а как умер он, так я, дескать, несколько раз принимался за лечение, да только пользы никакой нет».

При этом мужичок добавил, что отец его, бывало, положит бумагу эту больному в головы под подушку или заставит его прочитать за ним раза три, а иногда и до шести раз в утренние зори, так и перестанет знобить, и больной вскоре выздоровеет, — за что и платили ему (знахарю то есть) кто полтинник, а кто и целковый³.

Почему же, спросил я, заговор теперь не действует? — Должно быть, потому, отвечал простодушно крестьянин,

¹ Печатается по: Овсянников А. Заговоры против лихорадки и зубной боли // Ярославские губернские ведомости. 1869. Ч. неофиц. № 18. С. 1–2. Овсянников Абрам Филатович (1832 — после 1897), крестьянин с. Некоуз Мологского у.; корреспондент Ярославских губернских ведомостей, автор ряда статей по мологской этнографии.

² Пользоваться — лечить.

³ Полтинник — пятьдесят копеек; целковый — один рубль.

что в нынешнее время люди стали очень хитры: ничему не верят.

С позволения владельца означенной рукописи я списал копию, текст которой следующего содержания:

Заговор от трясавицы

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, всегда, ныне и во веки веков. Аминь.

Крест хранитель всей вселенной, крест красота церковная, крест царей держава, крест воинственная победа, крест верных утверждение, крест апостолам слава, а бесам язва, крест мученикам похвала и всем людям помощник, крест рабу божию (имя) помощь, крест трясавицы отгоняет. О, крест пресвятой, буди и с ним, рабом божьим (имя)! О, крест Господень, тако буди и с ним, рабом божьим (имя), отныне и до веку. Аминь.

Небесных сил все воинства, вначале святой и великий Иоанн, Пророк и Предтеча, Креститель Господень, а с ними идут святые отцы Зиновей, Филипп и Огафей, святые евангелисты: Марко, Матфей, Лука и Иоанн Богослов и прочие все святые — избавьте его, раба божия (имя), от злых трясавиц!

Бысть в Черном море волнение и большое возмущение, и тогда из моря изыдоша двенадцать девиц простоволосые. Пошли они по горе, а навстречу им идут святые отцы, в начале святой и великий Пророк и Предтеча Господень Иоанн и с ним Зиновей, Филипп и Огафей, а с ними четыре евангелиста: Марко, Матфей, Лука и Иоанн Богослов, и вопрошиша их святые отцы: что вам имена суть? И рекоша тии: 1) Февоя, 2) Ивуя, 3) Руниша, 4) Дофоя, 5) Синяя, 6) Желтея, 7) Чадлея, 8) Гатяя, 9) Хампея, 10) Кисленя, 11) Знобица, 12) Трясавица. Святые отцы взяша двенадцать железных прутьей и начаша их бити и мучити, и давати по дванадесяти ран. Возмолишася проклятые трясавицы: «О, святой и ве-

ликий Иоанн, Пророк и Предтеча Господень, и все святые отцы, отпустите нас! Аще мы услышем имена ваши, говоримые человеком, бежим от того раба, а ежели увидим имена ваши, написанные где-нибудь, к тому месту да не прикоснёмся». Того ради и написаша сии клятву их, да не прикоснутся к рабу божию (имя). Аминь.

К этому считаю нужным присовокупить, что не только в прежнее время в углу нашего уезда (к черёповской⁴ границе) царствовала простота, увлекаемая знахарями, ловкими обманщиками, в разные суеверия, но и теперь даже в вашей стороне, более образованной, народ заражён донельзя суеверием. Вот, например, скажу ещё два слова про лечение зубной боли.

Назад тому месяц заболели у меня зубы. Сижу себе дома, страдаю жестоко, как и все, имеющие несчастье испытывать эту адскую болезнь. Приходит ко мне одна старушка: — «Что, кормилец, не весел?» — «Да вот, так и так: зубы!». — «Жаль, что теперь зима, а то я научала бы тебя излечиться на всю жизнь».

Тогда я упросил старушку дать мне наставление, пригодное хотя и к будущему лету. Прежде, чем исполнить мою просьбу, старуха предупредила, чтобы я никому не сказывал этого секрета, угрожая, что иначе не будет пользы. Потом перешла и к самому наставлению, которое состоит в следующем. Идя в поле дорогой, случится увидеть какую-нибудь валяющуюся кость, ну и скажи: «Ты, кость, валяешься, а у меня зубы болят; так я тебя, кость, подниму и сохранию в покое; тогда не будешь ты валяться, а моим зубам конец будет болеть». После этого положи на все четыре стороны по земному поклону, и пред каждым говори: «Кости сей не валиваться, а моим зубам не баливать!». Потом возьми кость и принеси в свой дом, заверни в чистую тряпицу и уברי в сундук, да и храни всю жизнь. А ежели потеряется она или другой человек какой узнает, для какой цели она тут хранится, болезнь опять придёт, и после того ничем не излечишься до самой своей смерти.

⁴ Черёповский — имеющий отношение к городу Череповцу.

Овсянников А. Ф.

ПРАВЫ ПОСЕЛЯН В МОЛОГСКОМ УЕЗДЕ¹

О нравственности народа можно судить по пословицам, басням, скороговоркам, присловьям, причётам, песням и т. д. Ещё яснее можно видеть нравственность в обычаях, в празднествах с их увеселениями, в обрядах и в разных суеверных действиях. Посредством всего этого нравственное движение ума и сердца выражается и в обыденной домашней жизни, и во время семейных торжеств, и в строгие дни постов, и в дни церковных празднеств, и в рабочую пору. Эти-то обычаи и привычки доставляют нам самые яркие краски для описания нравственности народа.

Во всех местностях есть такие праздники, которые народ привык проводить в увеселениях и дома, и публично. Все религиозные торжества или церковные праздники издревле, у всех народов, даже диких, сопровождаются народными увеселениями и игрищами. Эти игрища, забавы и увеселения, с веками народной жизни изменяют свой характер, а потому, только сличив разнообразие и направление праздников народных, можно определить степень образованности сравниваемых народов.

Все праздники с народными увеселениями можно разделить на два разряда: к одним праздникам делаются разные приготовления для приёма гостей, как например в храмовые или приходские, а другие праздники празднуются без особых приготовлений, например, святки. В одни праздники празд-

¹ Печатается по: Овсянников А. Нравы поселян в Мологском уезде // Ярославские губернские ведомости. 1870. Ч. неофиц. № 21. С. 81–82.

нуют везде народ и церковь, как например в Пасху; другие празднуются только народом, как, например, масленица.

Из числа этих праздников укажу на один храмовый Рождества Богородицы, 8-го сентября, празднуемый в Захарьинском приходе (близ границы Черёповского уезда). Праздник этот сопровождается сельской ярмаркой, на которой продаются большей частью лакомства и женские наряды, и гульбой, которая продолжается до семи дней. Гульба значит — ничего не делать; гуляет тот, кто, ходя из дома в дом, собирает стаканы водки с ковшами пива. На праздник варят пиво, закупают вино и приготавливают хлеб-соль для приличного угощения гостей; в числе их собираются не только родные и званые, но и незваные из деревень соседних приходов. Зажиточные крестьяне по всем деревням Захарьинского прихода варят пиво котлами, вёдер по 20–30, даже более, а порядочные хозяева уж непременно сварят пять или шесть четвериков овсяного солода, смешанного с ржаным, как бы ни был плох урожай хлеба. Варку пива они производят преимущественно тоже котлами, посредством ссыпки солода. Кроме родных, у хорошего крестьянина всегда много хлебосолов, которые величают друг друга сватами. Купил лошадь у мужика, понравилась она: вот и свата Бог дал! Такому свату и почёт, и чарка водки, — а не понравилась, так ковш пива, а всё-таки сватовство считается.

В праздник угощают всех гостей, не заботясь о том, свой он или чужой; и совершенно незнакомого человека не обнесут ковшом пива. Если сторонний человек начинает извиняться, что ему не случилось потчевать хозяина или хозяйку у себя в доме, то обыкновенно отвечают: «Ну, брат, в артель попал, так чем Бог послал; может, и я попаду к тебе; гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется, кушай на здоровье!». Кто празднику рад, тот рад и гостям. Случись проезжающему во время праздника попросить воды напиться: хозяйка дома тотчас тащит огромный ковш пива и усердно угощает незнакомого человека. Едва он оторвёт губы от

ковша, хозяйка опять кланяется и приговаривает: «Да покушай, родимый, да поневоляся, болезный² человек, да понагубь, кормилец!». Если оказать ей честь, то непременно должно опорожнить ковш; напротив, кто откажется пить пиво, тому хозяйка скажет: «Экой ты спесивый, упрямый!».

Сами крестьяне пьют в праздники без всякого воздержания, что называется у них: *гулять, сколько душа хочет*. Иной только и видит праздник пока в церкви стоит, а после обедни зайдёт в один дом, потом в другой и дальше по порядку, а потом уж волочится к кому попало. Тогда забывает и дом свой, и гостей своих: напьётся, с ног долой, и завалится спать где попало, либо на улице, либо на дороге. А там жди его, хозяйка, и угощай гостей! Да и гости родные, как только пришли в дом, приготовясь погулять вдоволь, для предостережения себя от потери, скидывают одежду и отдают вместе с кушаком, шапкой и рукавицами хозяйке на сбережение, и продолжают гулять, или, вернее сказать, пьянствовать. Иной в одной рубашке без пояса, и ворот расстегнувши, ломит³ пиво ковш за ковшом, каждый на лоб, до тех пор, пока голова оспеет, а пальцы станут дыбом.

Древние греки и римляне кутили нисколько не удалее наших моложских крестьян. История записала, что один римлянин, Новеллий Торкват⁴, в присутствии императора Тиверия, не переводя духу, выпил около четырёх штофов на нашу меру, что видя сам Тиверий, бывший порядочным кутилой, так и ахнул. Но также отчаянно тянули крепкий мёд и русские богатыри, о чём передают нам сказки и песни. Как предки наши единым духом выпивали турий рог мёду крепкого, так и наши современники за один приём вытягивают по целому коноху⁵ горького пива.

² Болезный — приятный. *Прим. автора.*

³ Ломить — пить в большом количестве.

⁴ Торкват Новеллий Аттик — римский политический деятель начала I века н. э. По сообщению Плиния Старшего, он был одним из доверенных лиц императора Тиберия из-за своего чрезмерного потребления алкоголя.

⁵ Конох — огромный ковш. *Прим. автора.*

В том доме, где идёт угощение, всегда страшный шум. Хозяин, со штофом⁶ в руке и со стаканом в другой, кричит во всё горло, угощая родных и приятелей водкой; а на столе стоят, для закуски, белый пирог, чашка с говядиной или рыбой, огурцами или же с солёными грибами. Хозяйка, обходя сидящих по лавкам гостей, подносит им пиво в конюхе, либо в огромной чашке, а изредка встречается видеть и братьню, то есть ковш с двумя ручками, вместимостью до пяти штофов. И все хотят говорить так, чтобы другие слушали; каждый старается уверить другого в своей любви и дружбе. Один обещает за хлеб за соль отплатить вдвое. «Ты уж только зайди ко мне, залью вином, окачу!» — говорит он. Другой укоряет хозяина за то, что его водкой обошли; третий во всё горло дерёт протяжную песню, повторяя один и тот же стих: «Собирайте-ко, ребята, на полштофа на вино!». Четвёртый то и дело вскакивает поплясать, подпевая «барыню» с известными припевами, а вот этот ко всем лезет целоваться и, желая выразить свою расположенность, употребляет крепкие словца. Некоторые проливают слёзы.

Характер каждого в это время нараспашку: хмель берёт своё. Затаённое издавна неудовольствие высказывается без обиняков, по пословице: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Как ни кроток, как ни миролюбив наш хлебо-сол-мужичок, а без драки не бывает в деревне праздника, тем более — сельской ярмарки.

Во время попойки в домах, молодёжь — девки, молодухи и парни — тотчас после обеда выходит на улицу и собирается в известном месте толпой. Тут являются гармоника и балалайка. Начинаются протяжные песни, как например: «Шёл Иванушко лужечком, а Машенька бережком», потом хороводы, далее пляска под визгливые звуки гармоники или

⁶ Штоф — здесь: сосуд для крепких спиртных напитков ёмкостью в один штоф (десятериковый или осьмерикový). Обычно штофы изготавливались из зелёного стекла и имели приземистую четырёхгранную форму с коротким горлышком, которое закрывалось пробкой.

треньканье балалайки с припевом: «Эх, все кости болят, все суставы говорят!». Гульба идёт тем живее, чем ближе к сумеркам. Хмель развязывает всем языки, руки и ноги. Пиво пьют старьёй и малый, а водку тянут и парни, и девки.

В сумерки девки и парни собираются в чью-либо избу на посиделки, где то же — песни, хороводы и пляска. Но здесь парень уже садится к девке на колени и свободно целуется, чего на улице не допускается, и тут у них, как и у мужиков, идёт угощение пивом и вином от девки, хозяйки этого дома. Посидевши недолгое время, переходят в другой дом, и так продолжают чуть не до рассвета.

Парни, которые поблажнее⁷ во хмелю, вечером уходят от девок потешить свой характер в узкий между домами переулок, забравши с собой палок и поленьев, и оттуда палят, как бомбами в неприятеля, во всех идущих по улице, без разбору: кто бы ни шёл, им всё равно, хотя бы и родной. Зато мало пьяный не посмеет идти вечером в одиночку, а пьяному, известное дело, море по колени: в него кидают, а он идёт себе и в ус не дует; а тут, смотришь, такой получил удар, что и не устоял на ногах и на век калекой сделался, а кто окалечил — он и сам не знает, жаловаться не на кого, почему и остаётся винить одно пьянство, которое не только отнимает руку или ногу, но лишает и жизни.

Удивительная грубость нравов в народе сохранилась до нашего времени. Любопытно было бы познакомиться с бытом наших предков в этом уголке Мологского уезда несколько веков тому назад; но сохранившиеся обычаи доказывают, что любопытство обратилось бы в ужас, если б только поднялась завеса с минувшего мрака, прикрывшего всё и вся.

⁷ Блажной — отличающийся плохим характером.

Овсянников А. Ф.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕРЕВО В МОЛОГСКОМ УЕЗДЕ¹

Сельское население здешнего края, к сожалению, до сих пор страдает безграмотностью. Образование прививается очень-очень медленно, и если допустить, что оно идёт вперёд, то — малозаметным, черепашим шагом. Масса народа крепко держится старины, повторяя обычное изречение, что «наши деды не глупее нас были, а вот прожили свой век без книг, так и мы проживём».

Естественно, что безграмотный народ не покидает нелепых недоразумений и суеверий. Внуки наши, пожалуй, не поверят, что в 1869 году у нас боготворили... дерево! А между тем этот факт существует.

Дерево, о котором я говорю, как очевидец, находится в деревне Круглицы². Это — огромная сосна, выросшая удивительным образом: из земли вышли два ствола, один от другого на расстоянии трёх четвертей и, поднявшись на полтора аршина, срослись в одно толстое дерево, похожее на человеческую фигуру с ногами и туловищем. Кто-то обгородил сосну частоколом со входом посередине, надо полагать, в знак особенного к ней уважения.

К сосне приходят больные из дальних и ближних мест, почитая её святой и чудотворной, пролезают кое-как меж-

¹ Печатается по: Овсянников А. Замечательное дерево в Мологском уезде // Ярославские губернские ведомости. 1869. Ч. неофиц. № 49. С. 1.

² Грязливецкой вол. Мологского у.

ду «ногами», — почему сосна и называется *подлазной*, — затем снимают с себя крест, пояс или другие какие-нибудь мелкие вещи и вешают их на дерево, сопровождая такое приношение молитвой на коленях: «Святая сосна, спаси и помилуй меня, раба грешного, от лихой болезни!». Вся сосна украшена означенными дарами, но к ним никто не смеет прикоснуться, в уверенности, что такое святотатство (!) не останется без наказания: сосна погубит вора и в этой жизни, и в будущей. Понятно, что счастливый исход болезни, благодаря каким-нибудь естественным причинам, относится к чудотворной сосне и увеличивает её славу; а кто умрёт, не получив облегчения, тот, значит, сам виноват: не умел, дурак, помолиться как следует, не умел пролезть хорошо, со смирением — да и мало-ли найдётся других уважительных причин!

Грустно и больно становится с такими фактами, свидетельствующими о низкой степени развития нашего крестьянства.

Овсянников А. Ф.

ПЬЯНАЯ МОЛОГА¹

Кому из здешних жителей не приходилось слышать укоризны: «Эх ты, пьяная Молога!». В этой щекотливой для нас фразе есть историческое основание. Известно, что на месте нынешнего города Мологи существовала когда-то ярмарка², славная по своей торговле с Азией, почему, как говорит предание, и было в Мологе ровно семьдесят семь кабаков. А так как «в старину живали деды веселей своих внучат, как простую пили воду мёд и крепкое вино», — то очень вероятно, что наши пращуры-моложане изрядно испивали и ради сего удостоилась получить такое название. В настоящее же время оно применимо к Мологе не более всех остальных градов и весей земли русской, пьющих горькою чашу...

Много столетий росло у нас в народе пьянство, не встречая на пути своём ни малейшей преграды — оно передавалось от одного поколения к другому наследственно. Многие родители поили своих детей водкой тогда ещё, когда они способны были пить только одно молоко. Для развития пьянства в простонародье усвоились разные обычаи, из которых укажу здесь на один, и теперь существующий.

¹ Печатается по: Овсянников А. Из Мологского уезда // Ярославские губернские ведомости. 1869. Ч. неофиц. № 51. С. 1–2.

² Мологская (Холопья) ярмарка — крупнейшая ярмарка верхнего Поволжья в конце XIV — начале XVI вв. Первоначально располагалась в Холопьем городке, расположенном в 50 км от устья реки Мологи. Великий князь Иван III перенёс ярмарку к устью реки Мологи, где располагался город Молога.

В приходе Николо-Кормском (Рыбинского уезда) бывает 26 октября празднество Святому Великомученику Димитрию³. На праздник этот все жители прихода, не исключая и бобылок, варят пиво, конечно по состоянию: кто много, а кто и мало. В каждом селении, утром в первый день праздника, собираются дети, и, вместо того, чтобы идти в церковь молиться Богу, все отправляются собирать пиво. Постарше возрастом берут с собой два кувшина, величиной от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ ведра, и начинают с крайнего дома. Подойдя к нему, все единогласно кричат: «*О-вин го-рит!.. Пи-вом за-ли-вать!*». Крик мальчишек повторяется до тех пор, пока из дому не вынесут пива. Награждают им от одного до трёх штофов. Потом дети идут к следующему дому и так далее, не исключая и бобыльских избышек.

Собранное таким образом пиво относят в дом, заранее для того назначенный, и там вливают в большие корчаги. Из взрослых никто не осмелится пить это пиво, считая за грех нарушить старый обычай, почему в продолжение двух или и трёх дней пьют одни дети, все те, которые собирали; причём, конечно, они напиваются до опьянения и получают навык к пьянству, так что в пятнадцатилетнем возрасте не найдётся уже ни одного непьющего водочку.

А посмотрите, что творится на фабриках и заводах! В редком из них нет руководителя, поджигателя к пьянству. Эти безнравственные личности, к сожалению, имеют сильное влияние на своих товарищей и увлекают их за собой. Горе тому ученику или работнику, который не захочет пьянствовать с ними: они его сгонят со света божьего. Тот их друг, кто пьянее, безнравственнее и развратнее. Любимая их поговорка: *не тот пьян, кого двое ведут, третий ноги переставляет, а тот пьян, кто лежит — не дышит.*

Случится поступить к ним трезвому (редкость большая!) — он им помеха, укоризна. Он между ними «как пророк на

³ Димитрий Солунский (ум. 306 г.), христианский святой, почитаемый в лике великомучеников; пострадал во время правления императора Максимиана.

сонме грешников», обличающий их нечестие. Присутствие его для них ненавистно, почему и стараются они всеми мерами совратить его с пути, или ответят пред хозяином. Эти атаманы кабацкие всегда оставляют по себе таких же, как и они, преемников, и губельная зараза переходит постоянно от одного поколения к другому. Что всего ужаснее, к этим развратникам обыкновенно поступают в товарищи юноши от двенадцати- до пятнадцатилетнего возраста, которые, вместе с ремеслом, изучают и усваивают себе все приёмы и пороки своих руководителей. Да что и говорить о мастеровых! Они, известное дело, народ отпетый.

Скажу вообще про крестьянина. Он никогда не откажется «свести праздник», угостить приятелей в городе или в селе на базаре, хватить малую толику при свидании или на прощанье, выпить «литки»⁴ при продаже или покупке. Зимой наш крестьянин предпочитает согревание изнутри тёплому тулупу снаружи, — а потому из бывающих на базарах едва ли и десятая часть возвращается домой, не пошатываясь из стороны в сторону. Волостные и сельские сходы истребляют множество зелена-вина. Мужички, по своей находчивости, всегда находят предлог придраться к чарочке, почему и со сходов, тоже как и с базаров, возвращаются трезвыми домой очень немногие.

Читайте, что пишут в газетах: «Пьёт народ горькую повсеместно, не заботясь о будущем и не думая нисколько о последствиях. Пьют от мала до велика, старики и молодые, женщины и дети; пьют они на крестинах, пьют штраф, пьют на помочи⁵, пьют за потраву, магарычи⁶, от безделья, пьют

⁴ Литка — вино, водка, выпиваемые по поводу окончания работы при подрядах, сделках в вознаграждение.

⁵ Помочи (помочь) — работа всем крестьянским обществом в помощь кому-либо за угощение.

⁶ Магарыч — угощение (как правило с алкогольными напитками) по поводу заключения выгодной торговой или иной сделки, а также по случаю какого-либо приятного события.

воскресенье, похмелье, с горя, с радости и так себе, благо близко кабак. Да на что же и кабак-то ставят, если не для того, чтобы пить!».

Это всё, как посмотришь, существеннейшая правда. Я сам крестьянин, следовательно, могу судить беспристрастно об окружающих меня порядках или, лучше сказать, беспорядках. В настоящее время пьянство не считается даже пороком; оно сделалось как будто требованием природы, необходимостью. Опять повторяю, что выражение «пьяная Молога» следует понимать шире и дать ему более общее значение...

Наши «Губернские ведомости» часто бывают в руках грамотных крестьян. К ним-то я и обращаю свою речь: эх, братцы! поймите же, наконец, сами и растолкуйте другим, что пьянство скоро нас разорит окончательно. Кого оно сделало богатым? Разве одних откупщиков, о которых и вспоминать совестно? Зелено-вино тащит в тюрьму, лишает ума-разума, сокращает жизнь, губит жалкой, презренной смертью! На пьянство вытаскиваются сначала медные гроши, потом одежда, хлеб, скот и упряжь. Тратятся незаметным образом свежие силы и здоровье. Заработанная плата и доходы с земли, чрез придирку к чарочке на сходах, утекают как вода; учреждаются лишние мирские сборы, почему и накапливаются значительные недоимки, взыскание которых производится частёхонько чрез продажу необходимейших предметов и даже строений. Вспомните, братцы, слова царя Соломона: *«Всяк бо пияница обнищает и облечется в раздранная»*⁷. Пьянство, кроме денег из кармана, вытаскивает из души последние крохи нравственности...

Но вот, слава Богу, вино будет несколько подороже. Авось недавняя правительственная мера хотя несколько поуменшит пьянство. Следует, однако, опасаться, чтобы возвышенные акциза не послужило поводом к запрещённой продаже

⁷ Притчи Соломоновы, 23:21. Более точная цитата по Елизаветинской Библии: *«всяк бо пияница и блудник обнищает, и облечется в раздранная и в рубища всяк сонливый»*.

вина из тайных, безпатентных шинков⁸. Для уменьшения пьянства было бы полезно принять ещё несколько других мер, как-то: строго воспретить избирать в должности крестьян, пьющих вино; за допущение на волостных и сельских сходах пьянства чувствительно штрафовать; возложить на священников и учителей народных школ непрременную обязанность вразумлять по воскресным дням и при всяком удобном случае о последствиях пьянства, и притом, главное, развивать грамотность — эту сильную опору против пьянства, закоснелых предрассудков и лени. Грамотность, по крайней мере, может спасти если уж не отцов, то будущее поколение, к счастью нашей великой семьи — России.

⁸ Шинок — небольшое питейное заведение.

Соколов В. Н.

ОТВОДИНЫ В КНЯЖИЧ-ГОРОДЕЦКОМ ПРИХОДЕ¹

Выражаясь местно, прошёл сенокос для причта нашего прихода; прошёл мясоед², наступила масляница. Сенокосом Княжич-Городецкие прихожане обыкновенно называют то время, когда у священно-церковнослужителей нашего храма бывает особенно выдающийся доход в пользу причта. «Теперь у них сенокос» — выражаются обыкновенно прихожане, когда у причта бывает довольно свадеб в то или другое время, или когда во время Светлой Пасхи сбор с прихожан причтом на содержание себя бывает исключительный, годовой.

Свадьбы в Княжич-Городецком приходе большей частью бывают в мясоед после Рождества Христова; в другие мясоеды бывают редко, как исключения. Причиной тому, надобно полагать, является то, что в Рождественский мясоед хозяйственный запас у крестьян ещё не истощился: мясо имеется, свой хлеб ещё не весь съеден.

В минувший мясоед нынешнего года у нас, в приходе, как слышно, повенчано было семнадцать браков. Сенокос до-

¹ Печатается по: Соколов В. С Шексны («Отводины» в Княжич-Городецком приходе) // Ярославские губернские ведомости. 1888. Ч. неофиц. № 24. С. 2.

Соколов Василий Николаевич (1840–1888), священник Успенского храма с. Княжич-Городок Городецкой вол. Мологского у., законоучитель Княжич-Городецкого училища; корреспондент Ярославских губернских ведомостей.

² Мясоед — период, когда по церковному уставу разрешена мясная пища. Обычно это время после какого-либо поста.

брый, нескучный. Но речь мы поведём не о свадьбах, а об отвóдинах, которыми заключаются³ брачные пиршества и которые делаются только роднёй невесты.

Отвóдины заключаются в том, что в среду масляницы⁴ мужчины, бывшие на свадьбе со стороны невесты, с утра отправляются к молодым звать к себе на отвóдины. Родство «князя новобрачного»⁵, бывшее на браке и обыкновенно ранее оповещённое об отвóдинах, собирается в назначенный день к молодым.

Погостив у молодых, вся родня толпой отправляется к тому, кто первый со стороны невесты явился звать на отвóдины, или к тому, кто ближе живёт и потому обязан делать отвóдины. Поевши и попивши у этого первого, переходят к другому, и так далее, пока не побывают у всех. Не успеют в один день, доканчивают обход на другой.

От излишнего употребления русской сивушки⁶ часто встречаются на отвóдинах весьма забавные сцены. В течение жизни моей в селе Княжич-Городке мне немало приводилось видеть таких отвóдин, на которые нередко немалые поезда приезжают, иногда на пятнадцать подводках.

Можно судить, как тягостны бывают отвóдины для тех, кому приходится их делать. Кроме того, эти же самые отвóдины нередко бывают перед свадьбой причиной ссор между мужем и женой, когда которой-нибудь половине приводится ехать на свадьбу с тем, чтобы после делать отвóдины. Бывают случаи, что и ближайшая родня из-за этих отвóдин не бывает на свадьбе.

Жалобы на установившийся обычай особенно слышатся в последнее время, когда заработки у крестьян стали скудны

³ Заключаться — заканчиваться.

⁴ Если свадьба была не в Рождественский мясоед, то отвóдины делаются, с соблюдением экономии, в ближайший «пивный» праздник. *Прим. автора.*

⁵ Родство «князя новобрачного» — родственники молодого супруга.

⁶ Сивушка (сивуха) — плохо очищенная некрепкая хлебная водка.

и с трудом покрывают необходимые расходы. Жалуются на отводины, жалуются на пивные праздники, которых в Княжич-Городецком приходе не мало, но отменить те и другие пока не находится ещё смельчака: обычай, установленный дедами, всё ещё никак не решаются отменить.

В нынешнем году заметно было, как новость, что все брачные поезда были без колокольчиков, разве только на первой дуге звонил один колокольчик. Не то было в недавно минувшее время — бывало, издалека слышишь, как едет торжественный брачный поезд: под каждой дугой подвязан колокольчик, а под иной привязано и по два колокольчика. На вопрос: «Что ныне у брачных поездов нет колокольчиков?» — слышишь один ответ: «Годы тяжелы, не по заработкам звонить».

Обыкновенно после отводин новобрачные гостят до Чистого понедельника у родителей молодой, и матушка-тёща для молодого зятя каждый день печёт масляные блинки.

Лисицын Н.

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ МОЛЬБАХ¹

В Правдинском и в других приходах Некоузской волости с давних пор установлены особые праздники, известные под наименованием «мольбы». Происхождение их таково: в прежнее время крестьяне имели обыкновение, по окончании посева яровых хлебов, приглашать к себе в селения священника и служить молебствие о ниспослании хорошего урожая. В последующее же время «мольбы», кроме совершения молебствия, стали сопровождаться угощением и вообще обратились из духовных, так сказать, событий в обычные в деревнях праздники (вроде храмовых или «обетных»), и при том в праздники обязательные.

Говорим обязательные потому, что крестьяне тех селений, где справляются «мольбы», обязаны, хотят или не хотят, принимать и угощать гостей. Гости при этом в большинстве случаев бывает не мало, так как крестьяне других селений, уже хорошо зная в какие дни в каких именно селениях прихода справляются «мольбы», являются сами, без всякого зова со стороны справляющих. «Мольбы» справляются, надо заметить, не всем приходом в один и тот же день, а по селе-

¹ Печатается по: Лисицын Н. Из Некоузской волости Мологского уезда (о так называемых мольбах и о превратном понимании местными жителями их значения) // Ярославские губернские ведомости. 1889. Ч. неофиц. № 50. С. 3.

Лисицын Н. (?-?), корреспондент Ярославских губернских ведомостей.

ниям, и потому продолжают довольно долго. Вот каково происхождение «мольб».

Между тем многие из прихожанок, по преимуществу, Правдинского прихода, не зная настоящего происхождения и значения этих празднеств, по простоте душевной, полагают, что празднества эти установлены в честь существующей только в их воображении иконы Божией Матери, именуемой «Мольбюю», и поэтому нередко можно услышать во время молебствий, совершаемых на этих праздниках, как прихожанки обращаются к Пресвятой Богородице со следующим молитвенным воззванием: «Мольбы Пресвятая Богородица, моли Бога о нас!».

Следовало бы местному духовенству, по нашему мнению, постараться разъяснить таким прихожанкам настоящее значение «мольб» и искоренить невежественное верование в существование чудотворной иконы «Мольбы Пресвятой Богородицы».

Овсянников С. А.

ПАСХАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ В МОЛОГСКОМ УЕЗДЕ¹

Светлое Христово Воскресенье — праздник, совпадающий с весенним обновлением природы после долгого зимнего сна — ожидается сельским населением с нетерпением и радостью. Радость усугубляется ещё ожидаемым разрешением на всеядие после семинедельного питания самой скудной пищи: капустой, редькой, грибами, хреном, а иногда и одним только хлебом с солью и квасом. Дороги давно испортились, езда по ним прекратилась, и жители каждой деревни замкнулись от внешних сношений, живут только нуждами своего селения и, как в карантине, не ходят далее собственного сарая, житницы или овина, под крышей которого теперь режут колос и солому на корм скоту. Перед избами и на задворках идёт деятельная распилка привезённых в зимнее время дров, каковой работой бывают заняты почти все жители деревень Некоузской волости Мологского уезда до последних дней Страстной недели.

Очередуясь между собой, все члены семьи сходят на исповедь и возвращаются вновь к прерванным дровяным работам. Обыватели села Некоуза в ясные дни, когда солнце

¹ Печатается по: О-а. Пасхальная неделя в Мологском уезде // Еженедельное прибавление Ярославских губернских ведомостей. 1894. Ч. неофиц. № 32. С. 1–3.

Овсянников Сергей Абрамович (1866–1918), сын Овсянникова А. Ф.; рыбинский журналист, редактор-издатель общественно-литературной газеты «Рыбинский листок». Печатался под псевдонимами О-а, Сергей О-а, Оса и др. Расстрелян в Рыбинске в 1918 г. в дни т. н. красного террора, как черносотенец.

начнёт достаточно распускать ледяную оболочку, что бывает с половины поста, занимаются также сгребанием навоза на торговой площади, где он образовался от приехавших за зиму на базар. Даже ребятишки и те помогают в последней работе, чему их в особенности побуждает случающаяся здесь иногда находка какой-нибудь серебряной монетки, потерянной в базарный день заторопившимися торговцами.

«На Велик-день каждое брёвнышко радуется», — говорят крестьяне, и в силу этого последние дни Страстной недели посвящаются женщинами мытью полов, стен и потолков избы, сеней, а когда тепло, то и горницы, то есть летней избы, расположенной всегда на одних сенях с зимней, жилой избой. Соломенную завалину, оберегавшую в зимний холод стены избы от промерзания, теперь убирают, и избы принимают весёлый вид, вполне соответствующий обновлению природы, торжеству жизни над смертью.

Вечер последнего дня Страстной седмицы застаёт каждую семью уже готовой к великому празднику: в избе прибрано, вымыто, у печки идёт стряпня на завтра, люди сходили в баню и, одевшись по-праздничному, ожидают с нетерпением первого удара колокола, чтобы идти к заутрене. Спать в такую великую ночь все воздерживаются, считая это дело греховным, а каждый старается прийти в церковь по возможности раньше, чтобы попасть в крестный ход, совершаемый пред началом утрени.

Стоит тёплая, чудная ночь. Ярко и светло горят мириадами рассеянные по далёкому тёмно-синему небосклону звёздочки. Горит и в простолоудине, проникнутом религиозным чувством, сознание святости наступающей минуты. Толпа народа у церкви всё прибывает и прибывает, с нетерпением дожидаясь того момента, когда сельская церковь с её величественной колокольной от низу до верху осветится сотнями огней. Скоро ловкий кровельщик полезет по всем выступам и карнизам колокольни, оставляя за собою зажжённые плашки, а в церковной ограде зажгут дрова и бочки. Церковь

осветится и, выделяясь среди тихой весенней ночи, будет своим фантастичным светом отражаться в небольшой речке Некоузке, на весеннее время принимающей иногда немалые размеры.

Раздался первый удар трёхсотпудового колокола. Весенний воздух потрясается гулом, который далеко разносится по окрестности. Радостно вздрогнуло сердце поселян, которые бодро потянулись под своды храма, внутри и снаружи залитого огнями. Торжественно вышел из церкви освещаемый огнями крестный ход и под чудные, веселящие звуки возвратился в храм, где раздаётся чудное пение о воскресшем Христе, который примирил землю с небом и упразднил смерть. В конце утрени все христосуются друг с другом и с церковнослужителями, которые становятся для этого в ряд в иерархическом порядке, а за ними — их дети с помещениями для яиц. В былые времена обычай этот давал причту немало яиц — так, священник набирал их сот восемь, а в последние годы такое число не придётся даже всем вместе, то есть двум священникам, диакону и двум псаломщикам. Упадок добротности прихожан к своим «батюшкам» — факт необъяснимый.

Начало литургии в селе Некоузе в первый день Пасхи, сравнительно с другими окружными приходами, где она оканчивается с рассветом, бывает довольно поздно, и благовест совпадает иногда с солнечным восходом, за которым местные жители, выходя на открытое место, любят наблюдать, так как у них существует поверье, что солнце, выплывая в это утро из-за горизонта, колыхается или «играет», переменяя цвета.

За обедню отправляются все члены дома, не исключая и стряпухи, которая идёт в церковь уже с готовым, хорошо ей выпеченным куличом, завязанным с несколькими яйцами в платок или скатерть. Сказать что-либо определённого относительно доброты и формы куличей не представляется возможным: они имеют разную форму, бывают также и неодинакового качества, в зависимости от способности хозяйки в кулинарном

искусстве. Я видел и высокие куличи с разными украшениями, и низкие, и из белой крупчатной муки, и из простого ржаного теста — всё зависит от средств и понятий семьи.

По окончании литургии и освящения куличей, за которое причту платят две или три копейки, иначе придётся пожертвовать доброй половиной кулича — народ спешит по домам разговеться, а затем уснуть после проведенной без сна ночи.

Кроме языческого предания об игре солнца можно отнести к пасхальным поверьям крестьян Некоузской волости и чудодейственную силу *пéтого* яйца, то есть того, которое было освящено в церкви. Такое яйцо может остановить пожар: для этого стоит только с ним обойти вокруг пожарища и бросить его в огонь.

Идя к заутрене в Светлый праздник, местные жители стараются как можно крепче заперать все хозяйственные постройки и дом, так как в этот день и непременно во время заутрени чаще всего случаются кражи, — *«каждый вор старается заворавывать»*, то есть совершать в это время первую кражу. Не менее характерным является предание в данной местности о *«неразменном рубле»*, который можно достать исключительно в первый день Святой Пасхи и то только во время утрени. Шествие народа к утрени с пучками горящей соломы, некогда замеченное Некрасовым в Ростовском уезде², до сих пор всецело сохранилось в Правдинском приходе Мологского уезда, который отстоит от села Некоуза всего в семи верстах.

В послеобеденное время мальчики собираются к церкви и начинают игру в бабки («в кон»). Взрослые идут на колокольню, позвонят (есть мастера звонить), сойдут оттуда и примкнут к игре в бабки; потом идут в гости или в трактир, а им на смену к мальчикам пристают другие, причём кон бабок принимает всё бóльшие и бóльшие размеры. Молодые люди,

² Отсылка к стихотворению Н. А. Некрасова «Накануне светлого праздника» (1873) из цикла «Стихотворения, посвящённые русским детям».

парни и девицы сходятся на зимние беседы, а если улица просохла, то к качелям и переходят к летним увеселениям.

Но вот прошло дня два-три. Колокольня наскутила взрослым, бабки тоже, и те из них, которые считаются домохозяйками, начинают искать новые увеселения, преимущественно бахусовы³. Но денег нет, и умы их изощряются в приискании благовидных предлогов «*содрать водки*»⁴. Торговцев, служащих и других зажиточных крестьян поздравляют «с праздником», собирают на ряду пастухов (а их у нас ежегодно бывает шесть), берут с безземельных за выгон скота, поздравляют вернувшихся на родину с толстым карманом питерщиков⁵, опивают добропорядочных однообщественников⁶ за неучастие их в сходках⁷ и т. д.

Предлогов «опить» в нашем селе, имеющем до десяти питейных заведений, найдётся множество, и сходки у нас по поводу этого также громогласны и шумны, как некогда на новгородском вече. Разница только та, что новгородцы когда-то «*такали, такали, да и протакали*»⁸, но наши некоузцы относительно выпивки никогда ещё не протакивали, а добивались, да и добиваются отличнейших результатов, чем и поддерживают во время пасхальной недели винную торговлю, ослабевшую за Великий пост и первые дни Пасхи.

³ Бахус — вино (по имени Бахуса, или Вакха, бога вина в античной мифологии).

⁴ Содрать — добыть.

⁵ Питерчик — местный житель, уехавший в Питер (Санкт-Петербург) на заработки и вернувшийся в деревню в отпуск или насовсем.

⁶ Однообщественник — входящий в одну сельскую общину вместе с кем-либо.

⁷ Сходка (сход) — общее собрание жителей небольшого населённого пункта.

⁸ Протакать — потерять что-либо, угодничая перед более сильным или влиятельным. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, данная фраза подразумевала легкомысленность новгородцев, приведшая к уничтожению народного вече и покорению Новгорода Великим княжеством Московским (1478).

Ребятам также наскучила игра в бабки, с её однообразными сценами из-за одной или двух пар бабок, и они переходят к другим играм, как битвё и катанье яиц, мяч, чиж, городки и прочее. Но вскоре и всё это им надоедает, да кроме того для этих занятий впереди ещё много времени — целое лето, а потому к концу Святой недели мальчишки уже толпятся от нечего делать около взрослых братьев и сестёр, девиц и парней, которые на улице устраивают игру в «горелки», ходят «кадрель», поют песни и обмениваются любезностями, занесёнными сюда питерцами из мясных лавок Литовского рынка⁹ и разных петербургских притонов.

Молодое поколение более видных отцов, так сказать, сливки нашей молодёжи, сходятся в своих домах и проводят время уже в иных, выработанных новыми требованиями жизни, забавами с претензией на внешний лоск, подходящий если не к купеческой, то по крайней мере к мещанской среде. Здесь уже наблюдателю приходится сталкиваться с галантерейными манерами гостиннодворцев¹⁰, а вместо «Битвы русских с кабардинцами»¹¹ или «Английского милорда»¹² и манухинских изданий¹³ можно встретить переводные и га-

⁹ Литовский рынок в Санкт-Петербурге находился на набережной Крюкова канала, напротив Литовского замка (тюрьмы).

¹⁰ Гостиннодворец — здесь: приказчик, торгующий в гостинном дворе (например, в Санкт-Петербурге). Галантерейные манеры — вежливое обхождение с покупателями.

¹¹ «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга» (1840) — роман Николая Зряхова. Один из самых популярных романов в России XIX в., ставший символом лубочной литературы.

¹² «Английский милорд» — знаменитый авантюрный роман, распространённый в рукописях и в конце XVIII в. обработанный и изданный Матвеем Комаровым под названием «Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезии» (М., 1782).

¹³ Манухин Александр Иванович — московский книгопродавец, выпускавший в 1860-х — 1870-х гг. лубочную литературу (примитивные

зетные романы. Прогресс в этой среде идёт ещё далее: в доме одного местного лавочника, имеющего двух дочерей, я встретил орган — остаток его трактирской промышленности, — который исполняет здесь обязанности рояля!..

Хотя, как видит читатель, население села Некоуза и разделилось, по примеру древнего Рима, на своих патрициев и плебеев, но первые не далеко-таки шагнули вперёд, не дальше той гордости и презрения, с которым обращаются молодые люди первого, высшего полёта, сыновья и дочери кулаков, к своим сверстникам из крестьян-земледельцев, названных мной плебеями.

И вот так проходят все дни пасхальной недели. Мужики толкуют «*обнаковенно на счёт тово*», что в это время закусывается яйцом¹⁴. Жёны сходятся сидеть на лавочки пред домами и, смотря на веселящуюся молодёжь, перемышляют косточки соседей и перезывáют¹⁵ от одного дома к другому всеобщую вестовщицу¹⁶ села — Авдотью, которая, разряженная в красный сарафан, при розовом переднике и ярком платке, любвеобильно дарит их новостями дня.

Для ребятишек только в последний день, субботу, настаёт некоторое разнообразие: рано утром они отправляются артелями по окошкам домов, где была в последний год свадьба, и кричат: «*Молодая, колядая, выходи на крыльцо, выноси яйцо, а не вынесешь яйца — в хлев запрём и помелóm¹⁷ заткнём!..*».

издания с яркими картинками, рассчитанные на невзыскательный вкус).

¹⁴ Очевидно, имеется в виду распитие спиртных напитков.

¹⁵ Перезывáть — приглашать куда-либо, переманивать.

¹⁶ Вестовщица — сплетница.

¹⁷ Помелó — метла.

Мусин-Пушкин С. А.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК МОЛОЖСКОГО УЕЗДА¹

Два склона, направляющие течение главнейших рек в Моложском уезде, обуславливающие разницу почвы и растительности, характеризующие разность условий быта и нравов населения, в далёком прошлом направляли приливы различных народностей в край и обусловили разнообразие племенных в нём особенностей.

Северо-восточная часть уезда с её последними увалами севера и общим наклоном к юго-востоку, служила открытой дорогой для первоначальных исторических насельников этой страны, для финнов: Чуди, Веси и Мери.

Южный склон, направляющийся к северо-западу, открывал путь для новой культуры славяно-русской, сначала для колоний Новгорода Великого, спустившихся сюда от верховьев Волги, потом — для суздальцев, двигавшихся с юго-востока.

Порубежный характер этой местности проходит через всю её историю. На заре нашей государственности мы находим здесь грань между поселениями Веси и Мери, которую, конечно, в настоящее время точно определить нельзя; но по некоторым данным археологического характера можно предполагать, что Мера занимала местность приситскую в юго-восточной части уезда. Весь же ютилась в северной части.

¹ Печатается по: Мусин-Пушкин С. А. Очерки Моложского уезда. Ярославль, 1902. С. 8–12.

Мусин-Пушкин Семён Александрович (1858–1907), ярославский земский деятель, краевед, поэт, публицист.

Центром последней была, как известно, Весь Ягонская (название которой произошло от ручья Иогницы), тогда как для Мери летописи указывают средоточием озеро Неро, или Ростовское.

До сих пор во многих названиях урочищ, озёр, рек и ручьёв Моложского уезда, а отчасти и деревень, сохранились следы происхождения их от финских слов.

Сюда относятся все непонятно звучащие названия с окончанием *-а*, в особенности же на слоги: *га* (сокращённое финское слово «юга» — вода), *-на* (сокращение финского слова «яна» — река), *-ма* (финское слово — земля), *-ра*, *-хта*, *-гда*, *-рба*, *-са*, *-ша*, *-за*, а также с редко встречающимся окончанием на *-бол* и *-дол*, например:

1. Волга, Молога, Вага, Шига, Керга, Аньга, Юга, Шуйга, Чанчуга;
2. Шексна, Струбишна, Матлана, Изина, Яна;
3. Маткома, Редьма, Пушма, Шурма, Шарома;
4. Ягра, Шумара, Чечора, Конгора, Искра;
5. Березохта, Толехта, Обухта, Изохта, Пихта, Сагда, Турба, Корба, Ягорба, Верекса, Тегуса, Качеса, Скорша, Кудаша, Согожа, Вайша, Паломза, Пасуза, Некуза, Тубол, Сёбол.

Следует заметить, что одно из древних названий народности Веси (Асы, Васы, Вис и Водь), приведённое в писаниях Адама Бременского в форме «Вильцы», сохранилось в Моложском уезде в названиях деревень Ильцы, Илец, Илькино и вообще встречается в Ярославской губернии в различных уездах (в Ярославском — Ильцино и Илькино, в Романов-Борисоглебском — Ильцино и Ильца, в Ростовском — Ильково, в Угличском — Илейкино, в Даниловском — Илейцино, в Рыбинском — Илькино, в Мышкинском — Илино).

С названием Веси возможно также сблизить реку Вексу (в Костромской губернии) и селения: Веску в Ростовском

и Вески в Рыбинском уезде, с названием Води — Водогу и Водогино в Пошехонском, Воденики в Моложском.

Память новгородских колоний осталась в названиях некоторых рек с окончанием *-ь*, как например: Сить, Вайть, Лать, Сулать, Ильдь, Ламь, Мыль, Начесь, Паткось и Инобожь,

Название Сити имеет несомненно славяно-арийское происхождение и объясняется санскритским корнем *сита*, что значит борозда, общим для слов: сеять, сито и сеть.

В речи современного населения Моложского уезда совершенно не слышно новгородского наследия. Очевидно, позднейшая волна суздальско-владимирского влияния изгладилла все прежние следы. В Моложском крае, как и во всей Ярославской губернии, низкий говор на *о*, характерно-родственный владимирскому. Здесь не изменяют по-новгородски звука *е* в *и*, не усекают окончаний глаголов третьего лица с откидыванием *т* («он возьме», «ходи»), но смягчают по-московски звук *г*, превращая его в окончаниях *-аго* и *-его* в *-аво* и *-ево*. Не слышится здесь в такой сильной степени, как в новгородском, тверском, частью олонецком, вологодском, архангельском и пермском, характерных малорусских слов, как например: «черевики», «свитка», «швец», «дековаться», «трохи», «школа», «торба», «горелка», «худоба», «робить», «дядина», «добре», «женка», «очипок», «сдивоваться» и т. п.

Но зато много характерно-местных оттенков говора. Здесь вы услышите верхневолжское смягчение звука *у* в окончаниях слов: «чайкю», «наверхю», частую замену во множественном числе творительного падежа дательным и обратно: «отбиваюсь и рукам, и ногам», «дайте овса лошадыми», «я вами очень благодарен». У ситчан, о которых речь будет ниже, замечается западное, родственное белорусскому наречию цоканье и дзеканье: «ницаго», «цорт», «дзивилась» и т. п.

Влияние отхода на сторону также сказывается внесением заимствованных оборотов, речи «по-образованному», сопровождаемое немалым уродованием коренного русского языка. Нам приходилось слышать от мологжан-питерщиков, то есть

побывавших в Петербурге, такие выражения: «барыня уже вставши»; «поглядеть, какой он солидный»; «ситчик красиво выглядит»; «я ваш патриот из Мологи» и т. п.

В заключение нашего этнографического очерка скажем ещё несколько слов о племенном характере состава нынешнего населения Моложского уезда.

Наиболее древние насельники края — финны, главным образом в весьской своей отрасли, — оставили еле заметные черты в северной и северо-восточной части уезда, по рекам Шексне и Мологе. О незначительности новгородского влияния указано было выше. Суздальско-владимирское заселение ярче выделяется в характере населения южной части уезда, в особенности в волостях Марьинской, Некоузской, Ново-Троицкой, частью Станиловской, Воскресенской и Веретейской.

Несомненна также колонизация из различных местностей. В XVII веке были поселены по Волге и Мологе рыболовы и ткачи (хамовники) из дворцовых слобод. В северо-западной части уезда, в Сутковской волости и в Станиловской (так называемой Бельщине), есть карелы, выселившиеся с севера сравнительно недавно и более или менее обрусевшие. Наконец, часто помещики делали переселения на свои земли из чужих губерний. Так, Костомаров («Костомаровщина» в Леонтьевской волости) переселил лет за сто до нашего времени крестьян из малорусских своих имений; помещик Соковнин — из Орловской губернии и т. п.

Но остаётся совершенно неизвестным и загадочным происхождение так называемых «сискарей» или «ситскаррей», составляющих ядро Покровско-Ситской волости. Склад их черепа (долихоцефалический), сложение тела (все среднего и более среднего роста, плечисты и отличаются одутловатостью лица и живота), цвет и обилие волос (рыжевато-русых), их говор (цокающий и дзекающий), многие их обычаи, самый нрав (трудолюбие и склонность к сутяжничеству) — всё отличает их от соседей и выделяет в обособленную группу.

Различные исследователи разно решали вопрос об их происхождении. Одни хотели видеть в них потомков победителей под Ситью — татар. Но эта гипотеза не имеет за собой никаких оснований: ни тип, ни склад, ни говор — ничто не схоже с монгольскими характерными чертами.

Другие видят в них обрусевших карел, но и это маловероятно: примесь финской крови прежде всего сказывается в низкорослости и в тёмной окраске волос со слабой растительностью на лице. Говор и нравы сильно отличают ситчан, или сискарей, от их соседей карел в той же самой Бельщине.

Нет, они не карелы. Вот янцы, копорьевцы, прозоровцы дают гораздо более родственных финскому типу особенностей.

Остаётся ещё одно предположение. Известно, что в древние времена литовское племя распространялось далеко на восток, и отдельные литовские поселения были даже близ Устюжны Железнопольской.

Можно думать, что и моложские сискари ведут своё происхождение от такой восточной литовской колонии. Родственных черт с литовцами у них много, в особенности в говоре.

Нам известно, что в южной части Нижегородской губернии, в Княгининском уезде, есть местность, жители которой точно также цокают и дзекают, как и на Сити.

Туда были во времена Иоанна Грозного переселены литовцы и находились приблизительно в тех же условиях, как сискари, окружённые окающим и твёрдо говорящим суздальским населением.

Следует поспешить изучением особенностей говора и быта загадочных сискарей: успехи культуры, введение грамотности заметно действуют нивелирующим образом и сглаживают характерные оттенки и различия.

Парменов К.

МОДЫ В МОЛОГСКОЙ ДЕРЕВНЕ¹

За какие-нибудь десять—двадцать лет наша деревня так сильно изменилась, что её совсем нельзя узнать. Куда делась былая простота её нравов и патриархального быта? Произошла какая-то странная и непонятная метаморфоза. Чем объяснить это?

Деревня бежит, начиная с детей и кончая стариками, в город; бросаются даже сравнительно благоустроенные хозяйства; крестьяне перестают смотреть на землю, как на свою кормилицу-матушку, а видят в ней одну обузу, которую сбрасывают при первой возможности. В Мологском уезде встречаются деревни, в которых у половины домов окна заколочены досками и не имеется ни одного дома, где бы не жил один или два члена из семьи в «Питере» или другом городе.

Такие «питеряницы», как их у нас зовут, везут из города новые вкусы и презрение к «деревенщине». Не всем из них удаётся хорошо пристроиться в городе, у многих «*Питер бока вытер*», многих топит волна городской жизни и потом выбрасывает в ту же несчастную деревню в виде «зимогбрии»² и нищенства. Но зато «питерянец», которому повезло в городе, любит, приезжая домой, блеснуть своим богатством,

¹ Печатается по: Парменов К. Моды в Мологском уезде (по местным народным частушкам)// Голос. 1912. 24 сентября. № 223. С. 2–3.

Парменов К. (?-?), собиратель частушек в Мологском уезде, корреспондент ярославской газеты «Голос» (1910-е).

² Зимогбрия (зимогб́р) — здесь: опустившийся человек.

одеждой — что называется, «пыль в глаза пустить». Ещё на станции выбрасывается подчас последняя трёхрублёвка, начинается тройка удалых ямских с бубенцами, и «питерянец» с шиком въезжает в родную деревню, вызывая удивление и завистливые взгляды своих односельчан.

Такой питерский щёголь быстро завоёвывает неопытные сердца деревенских красавиц, и перед ним очень скоро ступёвываются и отступают на задний план неповоротливые «Ванюхи» и «Митюхи», которым быть хуже, разумеется, не охота. Они «бунтуют», пристают к отцам с просьбой о покупке «щиблет», часов, шляпы, трости, сорочки, «галстуха» и т. п. Если встречают противодействие со стороны старших членов семьи — бросают родной дом и самовольно уезжают в городе.

Случается, что питерский щёголь и женится в городе, а потом привозят свою модницу в деревню; иногда женится и дома, но через несколько времени увозит свою молодую жену в город. Девицы тоже не отстают в модах от парней, заражаясь городским духом. Давай им зонтик, шляпу, «прозрачный» шарф, калоши, часы, брошку, браслет, кольца... Да непременно золотые!

И получается подчас очень грустная картина: мужик продаёт последний хлеб, ведёт на базар последнюю коровёнку, у детишек отнимается последнее молоко и, вместо этого, чтобы не отстать от других, покупает дочкам модной материи на платье, пальто, сшитое «по картинке», «по журналу», «ботиночки — щигреневы носки³», духи, «перчатки», «карсет», — картина, так метко нарисованная в следующей частушке:

У Машутки зонтик есть, —
Дома нечего поесть.
На белой груди — часы,
Нечем сеять полосы.

³ Щигреневый носок — носок ботинка из шагреновой кожи.

И мода всё сильнее и сильнее рвётся в деревню, «заедает народ», по выражению стариков, и разрушает былую патриархальность.

Погубившие и поглотившие хороводную заунывную песню частушки — современная деревенская поэзия и публицистика — как нельзя лучше отражают этот происходящий сейчас в деревне процесс.

Вот, дочь пристаёт к отцу:

Продай, тятенька, рожь и овёс:
Не пойду я на беседу⁴ без калош;
У калошей-то высоки каблуки,
На беседу-то к нам ходят женихи.

Дочь мотивирует свою просьбу тем, что она много работает для дому:

Купи, тятенька, калоши,
Я годок потопаю:
Я ли, я ли тебе, тятя,
Я ли не работаю?

Чаще отец уступает навязчивым просьбам дочери и покупает просимое, но иногда после почти совершенного разорения хозяйства, выходит из терпения и больно насмехается над модницей:

Попросила я у батюшки
Резиновых калош, —
Купил десятеры лапти:
«Выбирай, котóры хошь!»

⁴ Беседа — вечернее собрание молодёжи с пением и плясками.

Или:

Попросила я у матушки
Суконнова пальтá, —
Посулила мне радельщица⁵
Ремénнова кнута⁶.

Бывает, что поступают и ещё хуже: захотела пофорсить — поди заработай сперва на стороне, иди в прислуги, в работницы... И вот девушка жалуется:

Милые родители
Сильнёхонько обидели:
Платьвица не справили,
В чужí люди отправили.

На отказ в подарке нередко отвечают бунтом:

Не пойду я жать овёс:
Брат на платье не привёз.

И дальше девушка выставляет ещё другие мотивы своего отказа: да и как же девушке не просить модных нарядов? Ведь на неё тогда при современных требованиях деревенской моды никто и не взглянет, никто не сложит песенки:

Хоть всё брату работай,
Брату дом не наживёшь,
Всю-то силушку положишь,
Идти замуж не минёшь!

⁵ Радельщица — та, кто усердно заботится о ком-либо.

⁶ То есть пригрозила избить ремнём.

Уж, ты, милая моя,
Какая забедовая:
У тебя ль, моя милая,
Кофточка шелковая.

Или:

На горé⁷-то стоит баня,
Тыном⁸ огорожена:
У милашки шубка нóва,
Котиком обложена.

Будут наряды, тогда и она «не лыком шита». Модный «ку-стюм» всё больше и больше привлекает внимание выдавших виды и требовательных кавалеров:

Сошью кофту на буклю,
Ремень кожаный куплю:
У подружки ходит дружка, —
Постараюсь, отобью.

Нарядная подруга представляет очень и очень опасную соперницу:

На подружке дуты бусы,
Алая гребёночка:
Хочет, хочет отбивать
Последнего милёночка.

⁷ Гора — высокий берег реки.

⁸ Тын — вид изгороди, состоящей из двух или трёх горизонтальных жердей, укреплённых на вертикально поставленных столбах.

Чтобы привлечь внимание ухаживателей, приходится принимать и более экстраординарные меры:

На беседушку взойдут,
Щёчки клюковкой натрут,
Щёчки клюковкой натрут, —
За хороших⁹ идут¹⁰.

Но клюква — средство слишком примитивное. Подавай настоящей косметики:

Коля, Коля, Колистóй,
Какой ты разговористой!
Кто за Колю ладится¹¹,
Румянами мажется!

Из-за девушки-форсуны развивается соперничество между парнями, и на этой почве разыгрываются крупные ссоры, в чём и сознаётся один из них своей милой:

Не зачёсывай зачёсы¹²,
Ягодиночка моя:
Как за эти-то зачёсы
Бьют товарищи меня!

Девушке приходится терпеть нападки с другой стороны:

Меня маменька прибила,
И прибила, ой-ой-ой!
За фартова мальчика
Об лежанку — головой!

⁹ Хороший — здесь: милый, любимый.

¹⁰ Идти — подходить, соответствовать.

¹¹ Ладиться — собираться замуж.

¹² Зачёс — чуб, кудри.

Нет модных нарядов, — и результаты плохи:

У меня ль на голове
Гребёнок не имеется;
У меня ль, у девушки,
И душек не имеется.

И среди парней девушки выбирают в «симпатии» того, который «пофартовее», «пофорсистее»:

Миленький, фартовенький —
В рубашечке бурдовенькой,
Светлы пуговики, ремень,
Голосочек, как свирель!

Ещё:

В поле камушек белеет,
И белее его нет;
Милый троечку¹³ наденет,
И милее его нет.

Посмотрите, как выглядывает такой ферт¹⁴:

Я сидела на пучкѣ¹⁵,
Пришёл милый в сюртучке:
Чёрны брючки, в карман ручки
И фуражка на ушкѣ!

¹³ Тройка — костюм, состоящий из пиджака, брюк и жилета.

¹⁴ Ферт — самодовольный, развязный человек.

¹⁵ Пучок — связка, охапка (например, льна).

Чтобы не вызвать насмешки, не ударить лицом в грязь, не осрамиться, приходится прибегать и к хитрости:

У милова часов нет,
Повешу ему репку,
Белу репку для красоты:
Подружки думают: «часы».

Ну, иногда и влопается!.. Вот девушка ехидно спрашивает парня:

Антиречно мне узнать,
Который час, милой, у вас?

Смущённый парень:

У нас позёрные часы:
Одна цепочка для красоты!

Это уже напоминает сатиру. И, действительно, очень часто по поводу излишнего увлечения модой, деревня хлещет острой и ядовитой сатирой. Вот как парни «прославили» попавшую впросак модницу:

Шляпу новую надела
Дунька задом наперёд:
Оскандалила подружек,
Насмешила весь народ!

С болью в сердце смеётся парень-неудачник над своей погоней за призраком наживы:

Наши дома работают,
А мы в городе живём;
Наши денег поджидают,
А мы в лапотках идём!

А вот и целая попытка объяснить всеобщее разорение:

Самовары, самовары,
Самовары медные.
Не от вас ли, самовары,
Стали люди бедные?

Часто мода касается не только одежды: проникают в деревню и иные «веяния»:

Купи, тятенька, телегу,
Новой моды — без колёс;
Сватай, маменька, невесту,
Новой моды — без волос!

Мои наблюдения в этой области были очень непродолжительны и недостаточны. Конечно, мне удалось выхватить из моря частушек далеко не самые характерные и красочные. Но, думается, что и приведённые вполне достаточно рисуют картину поступательного движения моды из города в деревню.

Да и вообще-то, частушки являются во многих отношениях правдивым голосом деревни, и для лиц, желающих хорошенько изучить деревню, узнать её поближе, не мешает почаще прислушиваться к этому голосу.

Лесовик Г. В.

НАСЕЛЕНИЕ, ЗАНЯТИЯ И ПРОМЫСЛЫ В ЛЕОНТЬЕВСКОЙ ВОЛОСТИ МОЛОГСКОГО УЕЗДА¹

I. Местонахождение

Леонтьевская волость расположена между $8^{\circ}2'$ восточной долготы и $58^{\circ}20'$ северной широты по Пулковскому меридиану. Это одна из самых больших волостей в Мологском уезде Ярославской губернии. Модное стремление к дроблению не коснулось её, как это наблюдается в других больших волостях (Брейтовской, Станиловской и др.). Не произошло такого дробления потому, что привычный административный центр был и центром территориальным; сообщение же с другими волостями было бы неудобно.

Вся волость по своей поверхности делится на две части: Гора и Поречье. Поречье (то есть местность, расположенная по реке Мологе) находится над уровнем моря от 20 до 40 саженей, а Гора местами поднимается на 60 саженей. Поверхность довольно ровна, больших холмов нет, хотя постепенно, по мере продвижения на юго-запад, волнистость становится

¹ Здесь впервые публикуются четыре раздела из машинописного очерка Г. В. Лесовика «Леонтьевская волость Мологского уезда Ярославской губернии» (1924 г.) из собрания Рыбинского музея-заповедника (РБМ-19639).

Лесовик Гордей Васильевич (1895–1943; настоящее имя: Петухов Николай Васильевич), мологский и рыбинский краевед, натуралист, музейный работник. Корреспондент местных и столичных газет и журналов; составитель ряда справочников по флористике и орнитологии.

заметной. Северная часть волости довольно ровна, больших покатоостей нет, за исключением небольших возвышений, на которых преимущественно стоят деревни. По мере изменения старинного русла Волги такие возвышенности оставались между новым и старым руслом. Промежуток между ними с течением времени замывается песком и глиной.

Наиболее высокими местами поёмной части являются лишь некоторые холмы. В том числе, Бугор на берегу озера Старицы, а также деревни Приселок, Раменье, Лесканово и село Леонтьевское, находящиеся на берегу и неподалеку от реки Мологи. Кроме того, Осиновая грива с деревнями Сагда, Деревенька, Голохово и Назаровское, идущая дугообразно с востока на запад.

Довольно сильно разнится от этой части юго-западная часть волости. Там начинаются уклоны к речкам и ручьям. Особенно значительными они становятся около деревень Чагино, Севастьянцево, Тявково. Эти холмы представляют из себя отроги ситских холмов, которыми изобилует прилегающая к реки Сити местность.

II. Население

Место, занимаемое Леонтьевской волостью, было заселено издавна. Жившие до пришельцев-славян и одновременно с ними финские племена оставили некоторые следы своего пребывания в названиях урочищ, рек и деревень (например, Сагда, Шарома, Инохта, Толехта, Воденики и др.²). Или Матлана — имя собственное и нарицательное в одно и тоже время. Таких матлан довольно много. Это подобие реки, заросшей травой, мхом, деревьями и имеющей слабое течение, а летом переставшей течь вовсе. Такая река скорее похожа на длинную узкую ольшину, однако имеющую исток и устье, и впадающую в какую-нибудь реку или болото.

² «Очерки Мологского уезда» С. А. Мусина-Пушкина. *Прим. автора.*

Заросшая хвойным лесом волость была заселена довольно редко и только с XVIII столетия начинает развиваться более или менее значительно. Почти все земли принадлежали графам Мусиным-Пушкиным, которые и заселяли их, перевозя крестьян из других имений, находящихся в соседних уездах и даже губерниях, или покупая крестьян у других помещиков.

Существуют различные предания по поводу заселения некоторых пунктов. Например, жители деревень Боброва и Дор-Борки считаются потомками поселившегося здесь в Смутное время какого-то отряда поляков и до сих пор называются Шляхтой. В былое время они занимались разбоем по реке Мологе, где стоит теперь деревня Раменье, самое название которой показывает, что там был дремучий лес.

Существует легенда о появлении деревни Чагино. Мусин-Пушкин, владелец окрестных деревень, состязался с помещиком Чагиным в плевках: кто дальше плюнет, тот выигрывает деревню. Мусин-Пушкин плюнул дальше... и на карте появилась новая деревня Чагино³.

Крестьяне, переселённые помещиком Костомаровым из его южных имений в Курской губернии, составили деревни Плёс, Ванюгино, Воденики, Ведуново, Лопатино. Они отличаются своим говором, сохранившимся до сих пор. Окончание *-ка* они произносят как *-тя* (Вáнтя и Сáнтя вместо Вáнька и Сáнька), *-га* как *-дя* (дендя́ вместо деньга́). Кроме того, встречаются выражения и отдельные слова, которые более или менее характерны для Костомаровщины: боран (баран), вяха (большое количество) и так далее.

Плёсо, посёлённое в заливаемом половодьем местности, вскоре разрослось настолько, что уже не помещалось на одном бугре и разделилось на две деревни: Большое и Малое (Высокое) Плёсо. После пожара 1890-х годов по жребью из Большого Плёса выехала ещё часть жителей, основавших на

³ Сравните карту Генерального межевания с позднейшими. *Прим. автора.*

берегу реки Матланы новую деревню Матлану, или Новое Плёсо.

Вывезенные из разных уголков России крестьяне, привезли с собой свои обычаи, меры, экипажи, которые постепенно начинают выравниваться. Например, очень характерны одры, на которых возят сено и солому. По одру всегда можно отличить из какого района проезжий. Кроме того, при разделе покосных участков дробление производится на разные величины, отдельные в каждом районе и имеющие свои характерные наименования. Так, группа деревень или одна деревня, косящие в одном месте, составляют плаху, которая делится в имениях Мусина-Пушкина на пироги по восемь душ в каждом. В Костомаровщине на денди по десять душ; в Осиновой гриве (деревни к северо-западу по реке Мологе) на десятки по двадцать душ.

Юго-западные деревни Тявково, Севастьянцево и Камарово носят название Хамовщина. Являются ли их жители потомками выселенных Иваном Грозным хамовников-ткачей, сказать трудно. Вероятнее всего, они получили своё название от соседства с потомками их, выселенных в село Черкасowo и распространившихся по окрестностям.

Некоторые деревни, как например Никола-Погост, существуют уже несколько столетий. В Николе, по преданию, была церковь, разрушенная татарами в 1237 году. На месте церкви ныне стоит часовня. Существует легенда, что в речке Чеснаве и теперь лежат колокола от этой церкви, и по временам слышен звон⁴.

Село Ивановское-Жушиково тоже имеет свою легенду. В Чагине, упомянутой уже деревне, жил некий расслаблен-

⁴ Есть легенда, что кто-то пробовал достать этот колокол. Вооружившись водолазными приспособлениями, а может быть и без них, водолаз забрался в «бездонный омут» и увидел там колокол. Но взять его не удалось, так как Серый ворон, который был в омуте, всячески препятствовал извлечению колокола. До сих пор около часовни вырываются человеческие кости. *Прим. автора.*

ный Степан, потерявший зрение. Однажды он услышал голос, который повелел ему идти за реку Кудашу в лес. В лесу около ручья тот же голос велел ему умыться. Сделав это, Степан исцелился и получил возможность видеть — заметил на дереве сиявшую икону. Рассказав о виденном соседям, он повёл их туда. Немедленно сообщили в село Черкасово священнику, и прибывший причт стал снимать с дерева икону. Дьякон, залезший первым на дерево, ослеп. Сняли икону только после того, как отслужили торжественный благодарственный молебен. Неподалеку от этого места был выстроен храм в честь явившейся иконы Николая Чудотворца, а на месте явления поставлена часовня⁵. В XIX веке храм, стоявший на Жущикове (так называлось это место), обветшал, почему и было отдано распоряжение перенести приход в село Андреевское (ныне Ивановское), которое стало называться Ивановское-Жущиково. По перенесении на новое место явившаяся икона в первую же ночь ушла в старый храм. Её вновь перенесли на новое местожительство и после того, как она ушла вторично, по приказанию Мусина-Пушкина ей отпилили ноги (Николай Чудотворец был в полный рост). С тех пор она перестала уходить и с отпиленными ногами находится до сих пор в Ивановском, хотя чудес больше уже не производит.

Начиная с 1900 года на земли, проданные Мусиным-Пушкиным Ярославскому отделению Крестьянского Поземельного банка, стали приглашаться лица, желающие купить её в собственность. Первоначально появились в пустоши Коево латыши и эстонцы. Продержались они сравнительно недолго и далеко не все — пока только земли в состоянии были давать урожаи без особого удобрения. Когда они увидели, что без усиленного труда ничего не сделаешь, большинство уехали обратно на родину.

⁵ Часовня эта стоит и теперь на ручье около деревни Севастьянцева. Внутри есть колодец со «святой водой». Этот колодец представляет собой вкопанную в жидкий грунт кадку, отчасти наполненную грязной железистой жидкостью. *Прим. автора.*

Впоследствии заселение началось интенсивнее. На появившихся вырубках (с кое-какими остатками лесов) поселились пришельцы из различных губерний, главным образом белорусы Могилёвской и Минской губерний, латыши, эстонцы, а также и из соседних губерний — Тверской и Новгородской. За последнее время, после того как на примере увидели выгоды хуторского хозяйства, также многие из местных жителей предпочли выехать из деревни на хутора. Всего в Леонтьевской волости насчитывается 366 хуторов⁶, из них 54 занимается латышами (356 человек), 15 — эстонцами (59 человек), 22 — белорусами (123 человека), 1 — немцами (5 человек) и 274 — великорусами (996 человек).

Хуторяне — народ пришлый и имеющий интересы несколько отличные от аборигенов волости — с 1918 года хотели создать свой совет для управления, но не смогли этого сделать в силу их разбросанности, и присоединились к местным советам. Они принесли с собой иную культуру, хорошие стороны которой перенимаются понемногу окружающим коренным населением.

III. Занятия

Главным занятием жителей Леонтьевской волости, как и во всей России, является земледелие. По статистике 1920 года обработанная земля засеивалась культурами (в десятинах):

Рожь — 1219,44
Овёс — 555,57
Травы — 331,49
Пшеница — 224,68
Картофель — 177,14
Лён — 130,56
Ячмень — 51,91

⁶ По данным Мологского уездного исполкома за 1922 г. *Прим. автора.*

Урожайи довольно низки. По сведениям за 1913 год:

Рожь — сам-5,52

Овес — сам-3,08

Пшеница — сам-4,52

Картофель — сам-4,59

Ячмень — сам-6,05

Способы обработки земли совершенствуются очень мало, культурные нововведения прививаются весьма слабо, даже плуг долго завоёвывал себе должное место. А о других сельхозмашинах и говорить не приходится. Изредка лишь на хуторах встречаются веялки, молотилки, дисковые бороны.

По причине ничтожных урожаев хлеба, дорожат каждым зерном. В особенности потому, что при машинах видно, когда оно теряется, тогда как при ручной обработке крестьяне, всецело занятые только процессом работы, этого не замечают. До сих пор система севооборота трехпольная, за исключением небольших некоторых деревень, не имеющих заливного луга, и хуторов, где введено четырёхполье с травосеянием, а многополья не наблюдается нигде. Из трав сеется главным образом клевер и вика. Другие сорта не распространяются, за исключением хозяйства Павла Эдуардовича Гревса, культивирующего и другие травы.

При недостаточно культурной обработке земли, урожайи невелики и своего хлеба не хватало. После прекращения привоза хлеба, крестьяне занялись увеличением посевной площади, разрабатывая выруб и прежде запущенные участки, а также, в некоторых случаях, и покосы. Несмотря на увеличившийся посев, своего хлеба не хватает и волей-неволей жители удаляются на промыслы.

Огородничеством, как важным подспорьем в сельском хозяйстве, население прежде почти не занималось. Огород существовал только для непосредственного употребления свежих овощей в очень небольшом количестве. И только за

последние три—четыре года на него обратили бóльшее внимание. Овощей засевали больше и даже вновь разрабатывали участки под огороды.

Заливаемая в половодье пашня в Поречье пригодна только для яровых хлебов, из которых преобладающее место занимает пшеница. Рожь сеется в сравнительно небольшом количестве и то только в тех деревнях, которые заливаются лишь отчасти.

Расположенные на заливной площади поля засеваются значительно позже, так что полевые работы проводятся не одновременно по всей волости. Также и удобрение вносится в землю в другое время — не весной, как это делается на возвышенностях, а летом или сразу после посева на поверхность пашни. Искусственного удобрения нет, за исключением разве костяной муки, которая изредка употребляется при недостатке навоза.

Скота в волости тоже довольно мало — значительно меньше, чем, например, в Иловенской волости. Несмотря на значительно превышающую площадь лугов, скота в пойме на хозяйство приходится меньше, чем в остальной части. В силу этого, пойма всегда имеет излишки сена, которое продаётся или меняется на недостающий хлеб.

Имея ограниченное количество скота, волость почти все молочные продукты потребляет сама. Только до революции было несколько маслоделен и сыроварен, но и те работали слабо.

Птиц в хозяйстве держат тоже очень мало и видами однообразно. Никаких особенных пород наблюдать не приходилось, кроме как в селе Горелове, где есть несколько китайских гусей с наростом при основании надклювья.

Изредка (главным образом, у духовенства) встречаются в хозяйствах пчёлы; у крестьян они ведутся довольно некультурно. Всего пчёл имеют 39 хозяйств (около 450 ульев); наиболее большие и культурные пасеки — у Г. Сабаса⁷ (Владимирские хутора), Сацыперова (Часково), Траубе (Ивановские хутора).

⁷ Сабас Генрих Яковлевич (1876–1948), выходец из Эстонии; в 1900-х гг., после прохождения срочной военной службы, осел в Мологском у. Ярославской губ. Его дети и внуки до сих пор живут в с. Брейтово.

IV. Промыслы

Промыслы есть как отхожие, так и кустарные местные. До революции, когда были заработки на стороне, отхожими промыслами занимались до 17 % мужчин, местными промыслами — до 11 %. Отход на сторону начался ещё в XVIII веке с развитием Петербурга. Большинство удаляется на целый год, занимая место трактирных служащих, торговцев и приказчиков, ремесленников, рабочих на заводах.

Местные кустарные промыслы не отличаются разнообразием. Встречаются одиночки-кустари, производящие бочки, кадки и другую деревянную посуду, но их всего несколько человек в волости. Также есть небольшое количество грабельщиков.

Кузницы, которых в волости шесть, оборудованы плохо, производя только самые примитивные работы, да и те в настоящее время работают слабо ввиду отсутствия железа. Несколько больше других и лучше оборудована кузница А. С. Чернова в селе Горелове.

Производство кирпичей значительно упало. Один из кирпичных заводов в Чаянове почти разрушен совершенно. Другой, в сельце Владимирском, хотя слабо, но продолжает работать; раньше он вырабатывал даже черепицу. Около Чаянова на хуторе и близ деревни Севастьянцева есть производство кирпича, но очень незначительное. Из промышленных предприятий можно указать ещё на Владимирский лесопильный завод, имеющий 22 рабочих. В настоящее время он приспособлен исключительно для работ Мологского Судостроя. Несколько лет назад был лесопильный завод с ветряным двигателем в сельце Часкове, но он прекратил своё существование.

Кроме того, есть несколько мельниц: две водяных и две ветряных, три толчеи, а также шесть маслобойных заводов для выработки растительного масла. В этих предприятиях работают только хозяева.

Главным же заработком при местных работах следует признать плотничество, которое находит себе применение при судостроении.

Судостроение

Судостроение в волости предполагается ещё в XIV веке, с развитием ярмарки в Холопьем Городке. Постепенно судостроение развивалось всё больше и больше. При Петре Великом в Иловне были поселены иностранные шкипера и плотники, от которых искусство судостроения перекинулось в Леонтьевскую волость, имевшую уже некоторый навык в этой области.

Занятие это распространяется, главным образом, на прилегающий к реке Мологе заливной район, поставляющий главную массу плотников, а также некоторые из примыкающих к нему деревень. Деревни, лежащие выше, этим промыслом не занимаются.

Количество построенных судов росло до 1870-х годов, после чего, в силу засорения водного пути и меньшего продвижения по нему грузов, начало падать. С 1890-х годов, с восстановлением Мариинской системы, появилась возможность увеличить транспортирование водой.

По причине обилия в волости строевого леса было несколько судостроительных верфей, сохранившихся до сего времени, хотя многие мелкие уже прекратили своё существование. В настоящее время верфи есть в сельце Владимирском, Лышнике, Сагде, Волоке, сельце Часкове и совсем недавно были ещё в Тимошкине, Жорновке, Шароме, Леонтьевском, Ведунове и Плесе.

Типы и размеры судов с течением времени изменялись. Делают унжаки, мариинки, лодки, полулодки, третники (овсянки), кинавки, а в последнее время — баржи, отличающиеся между собой как размером, так и конструкцией.

До середины XIX столетия строились суда мелкой конструкции, а с усовершенствованием строительства появи-

лись суда длиной от 14 до 16 сажений. Позже стали делать ещё крупнее — от 20 до 22 сажений, а в начале XX столетия — от 23 до 25 и даже до 27 сажений в длину. Размеры судов по типам следующие:

Тип судна	Длина (саж.)	Ширина (саж.)	Высота (четв.)	Грузопод. (пуд.)
Баржа	33	4,5	16	46 000
Баржа системная	25	4,5	16	37 000
Унжак волжский	22,5	4,5	12	22 000
Тихвинка	10	2,33	10	5 000
Дебаркадер	25	4,5	11	
Брандвахта ⁸	21	4,5	20	

В начале революции постройка судов прекратилась. Но затем приступило к работе Мологское судостроительное отделение Главода, и к 1922 году было построено двадцать девять судов на различных верфях, не считая большого количества мелких рыбацких лодок.

Рыбный промысел

При обилии озёр в заливной приречной части вполне естественно появление рыбаков. Рыбаков-промышленников немного. Только в трёх деревнях — Большой Плёс, Волок, Жорновка — есть неводы. В особенности в деревне Волок, где рыбачит А. М. Голубев, добывающий ежегодно до 300 пудов рыбы. Около неводов собираются артели, а одиночных рыбаков и счесть невозможно. Даже в деревнях, располо-

⁸ Плавающие доки строились на верфи Залужье Борисоглебской волости и Мологе. Длина их 51 сажень, ширина 7 сажений и высота 29 четвертей. Мологский док длиной 41 сажень, шириной 6,5 сажений и высотой 28 четвертей. *Прим. автора.*

женных вдали от каких бы то ни было рек, как например, Воденики, есть рыболовные снасти — на всякий случай.

Рыба ловится в больших реках и озёрах постоянно. В мелких же речках — лишь в удобное для этого время (пользуются главным образом убылью воды, когда всю ширину реки можно захватить снастью от одного берега до другого). Это бывает тогда, когда весенняя вода спадёт, а мельницы ещё не заплочены и особенно после закладки мельничьих плотин, когда речки пересыхают почти совершенно, и вода остаётся только в небольших омутах, где и скопляется в это время рыба. Весной же ставятся снасти на всех канавах и ручьях в ожидании рыбы, идущей вверх метать икру. Для этого небольшого количества рыбы существует громадное количество разнообразных приспособлений.

Невод — длинная (иногда до 100 сажений) и высотой до 1,5 сажений сеть с ячейками около 1,5 дюйма. Такая сеть обычно вывозится на лодке на реку и там постепенно выбрасывается. Затем её некоторое время тянут (вернее, её несёт водой) вдоль реки и, наконец, вытягивают оба конца на берег, постепенно их суживая. В такую снасть ловят обычно лишь более или менее крупную рыбу.

Мережа — сеть с более мелкими, около дюйма, ячейками, до 15 сажений в длину и около сажени в высоту. Она отличается от невода тем, что с обеих сторон мелкочейистой сети она имеет по ряду более редкой сети, ячейки которой достигают 3–4 дюйма. Рыба, подошедшая к такой сети, поворачивается и запутывается в «реже». Таким образом, в мережу рыба попадает даже с задней стороны, противоположной той, куда тащилась сеть. Большая мережа, как и невод, заводится и выбрасывается с лодки. Маленькой же (до 10 сажений) бродят вручную, держась за её концы.

Бредник, или бредень — сеть меньших размеров (5–10 сажений длины и до сажени в высоту) с более мелкими $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ дюйма ячейками. На середине бредника часто устраивается такой же сетчатый мешок, или рукав, в который и забивается рыба.

Недотка — снасть в 1,5–2 саженой длиной и 1,5 аршина высотой из редкой кудельной ткани. Она устроена в виде громадного неглубокого мешка, имеющего посредине небольшой рукав (поларшина шириной и до аршина длиной). Эта снасть употребляется для ловли в небольших речках и озёрах, глушах (старицах). Это самая пагубная из снастей, так как вылавливает даже только что народившихся мальков. Большая часть этих мальков, вместе с ракушками, тиной и прочим хламом выбрасывается тут же на берег на съедение следующим за рыбаками воронам.

Вторая категория — это снасти-самоловы.

Кужа. Представляет собой цилиндр из сети с ячейками от 0,5 до 1 дюйма, длиной от 2 до 4 аршин и от 12 до 18 вершков в поперечнике. Один конец её кончается конусом, другой широким раструбом в виде полукруга, причём плоской стороной кужа ложится на землю, а полукруглой, которая натянута на обруч, стоит кверху. Цилиндр, чтобы он сохранял в воде свою форму, натянут на обручи. В том месте, где начинается раструб, внутрь цилиндра проходит узкий, от двух до трёх вершков в вершине, усечённый конус. Рыба, зашедшая в узкое отверстие цилиндра кужи, обычно уже не выбирается обратно. Эти снасти употребляются главным образом для зимней и весенней ловли, когда рыба идёт метать икру — их ставят раструбом вниз по течению. Весной несколько таких куж, привязанных за узкий конец к верёвке, вывозят на реку на лодке и опускают одну за другой.

Кувшин. В основных чертах похож на кужу, только делается он не из льняных ниток, а из ивовых прутьев и бывает размером от полутора до двух аршин при поперечнике около 12 вершков. Ставится он обыкновенно весной в канавах или в канавах, прорытых для стока воды из озёр.

Хвостуша, или морда — длинный узкий конус, оплетённый из ивовых прутьев. Достигает длины два–три аршина при основании 8–10 вершков. Ставится он обыкновенно в таких же местах, где и кувшин. Рыба, зашедшая в него, не

в состоянии повернуться для обратного выхода и остаётся в самом конце. Шуки иногда забиваются настолько крепко, что их трудно бывает вытащить. При большом ходе рыбы такая хвостуша бывает иногда набита до самого основания.

Кужи, кувшины и хвостуши ставятся часто и в язах (ез, заезок). Яз представляет из себя плотину, сделанную из земли и укреплённую бревенчатыми сваями. По середине плотины оставлен проход для воды, который и загораживается самоловной снастью. Такие же язы устраиваются преимущественно на протоках из больших озёр. На мелких речках устраивают язы из еловых ветвей, укреплённых кольями. Такие язы особенно губительны на озёрах. Масса задержанной с весны рыбы остаётся в озерах и, в силу отсутствия выхода из них к реке, задыхается в стоячей воде подо льдом, так что в прорубях зимой вылавливают очень много сачками.

Третья категория снастей — с крючками. Любителей ловли на крючок очень немного. Приспособления для этого вида ловли не столь разнообразны. Самое большое их них — перемёт. Перемёт представляет длинный прочный шнурок из пеньки, льна или волоса, на который на полуаршинных лесках привязаны на расстоянии около одного аршина друг от друга 30–50 и больше крючков. На одном конце шнура привязывают груз, который и забрасывают в реку, укрепляя другой конец на берегу. На крючки насаживают дождевого червя, маленьких лягушек, хлеб.

Жерлица — прочная бичёвка из льна или волоса, прикрепляемая к удилицу. На расстоянии поларшина от удилица привязана деревянная вилка из развилины двух сучьев, на которую намотана бичёвка, укреплённая в расщеп одной из ножек вилки. Крючок, укреплённый на витой из меди проволоке, имеет один или два рожка, на который насаживается в качестве приманки живая рыба. Рыба насаживается различными способами: или проволока продевается рыбе в рот и пропускается через задний проход, причём рожки крючка прячутся в жабрах, или крючком зацепляют непосредственно за спину около спинного плавника. На посадку употребляют обыкновенно плотву или,

чаще всего, окуня, как рыбу более живучую. Удятся исключительно хищники — окунь, щука, судак, шереспёр (жерех).

Когда хищник возьмёт насадку, он сильным порывом выдёргивает бичёвку из расщеп. Очень важно иметь её достаточной длины, так как в противном случае сильный хищник сорвёт насадку или оборвет лесу.

Обыкновенные удочки имеются чуть не у каждого мальчишки. Взрослых рыбаков с удочкой очень мало.

В особенности удачная ловля на удочку происходит в конце июня — начале июля, когда «выпадает метелёк»: миллионы бабочек-подёнок выходят из куколок и летят над водой. Река кажется кипящей от выходящих наружу насекомых и слышен шум, как во время сильного дождя. Происходит это обыкновенно ночью, и рыбаки задолго начинают дежурить по ночам, сообразуясь с цветением льна, так как по приметам метелёк выпадает во время цветения льна.

В это время со всех глубин рыба выходит наверх и хватает не успевших подняться или обессилевших насекомых, и широкие спины с высокими плавниками бороздят кипящую воду по всем направлениям. Рыбаки собирают в это время метелёк, частью засушивают его для хранения, частью удят на свежий. Рыба берёт его чрезвычайно охотно. Иногда им набивают сетчатые мешки для приманки, которые опускают в том месте, где обычно происходит ужение.

Ловля хищников на блесну проводится ещё реже. Блесна — металлическая пластинка, покрытая никелем или серебром, вращающаяся во время движения на проволочном стержне. На конце блесны укреплен крючок с двумя или тремя рожками, и часто ещё укрепляется красный яркий пучок перьев. Ловля производится с лодки, сзади которой на лесе тащат блесну.

Охота

Охотничий промысел отошёл в область преданий. До истребления лесов водилось множество всякого зверя и птицы,

на которых охотились местные промышленники. Промышляли, главным образом, белку, зайца, лося. Теперь промышленников нет совсем. Остались только ружейники-любители, и охота имеет вид спорта. Только в заливном районе она принимает вид зверского хищничества, где так называемые охотники десятками уничтожают при помощи палок и собак, часто без единого выстрела, зайцев, выбравшихся на незатопленные ещё островки. Сотнями также уничтожают «охотники» и молодых утят, не умеющих ещё летать; они начинают свою истребительную деятельность с половины июня и кончают её с моментом, когда все утки начинают летать.

Самогонка

Не так давно в волости процветало самогонное винокурное производство. Место его зарождения и наибольшего расцвета — Ивановские хутора, откуда распространилось по всей волости, интенсивнее к центру и слабее к перифериям. В разгар деятельности на Ивановских хуторах и близлежащей деревне Комарове были настолько значительные заводы, что имели до 300 вёдер барды. Теперь, с зимы 1922–1923 года такое обширное производство, продукты которого вывозились в Рыбинск и Мологу, прекращено мероприятиями властей и осталось лишь в небольших размерах для собственного потребления. Несмотря на кажущуюся доходность этого промысла (доход 400 %), по признанию самогонщиков они барышей в конечном итоге не получают никаких — выходят частью на угощения, частью на выплату штрафов. Ввиду непосильной для одного самогонщика уплаты штрафов, они часто соединяются в артели с круговой порукой, общими силами выплачивая штраф за попавшегося члена.

Самая техника винокурения значительно усовершенствовалась за два последних года. Прежняя котловая варка осталась только на примитивных небольших заводиках, в более же усовершенствованных варка всегда паровая. Выделяется боль-

шей частью слабая водка 15–30 градусов и лишь для собственного потребления 50–60 градусов. Иногда полученную водку пропускают ещё раз, делая «перегон» часто крепостью 70–80 градусов, но при этом всё-таки остаётся ещё значительное количество сивушного масла, которое в неочищенной водке даёт ей нестерпимый запах. Водка делается, главным образом, из хлеба и только при отсутствии его — из картофеля.

Из пуда муки на продажу выгоняют до двадцати бутылок слабой водки, которая, тем не менее, действует одуряюще, в силу присутствия сивушного масла. Для собственного же употребления и по особому заказу вываривают лишь четыре–пять бутылок.

Смолокурение

Дегтярное и смолокурное производство, по причине исчезновения лесов, мало-помалу пропадает. Сосновую смолу вываривают теперь только в Горелове и Медухове. Идёт она, главным образом, на смазку колес и для смоления судов. Берёзовый, так называемый чистый дёготь из берёзы в настоящее время делают только на хуторе Карделя в даче Трусиха.

Кожевенное производство

Кожевенное производство тоже незначительно. Выделывают кожи на Ивановских и Владимирских хуторах только для окружающего местного населения. На Чаяновских хуторах есть также овчинник, выделывающий овечьи шкуры.

II.
АНТОЛОГИЯ ФОЛЬКЛОРА

ПЕСНИ¹

Деревня Муравьёво

Плач сговорёнки²

Уж вы милые подруженьки, голубушки,
 Что-то не пойте-ка песню жалобнёхоньку,
 Что и так-то мне, кукушке, растошнёхонько.
 Уж вы милые родители родимые
 Отдаёте меня молодёхоньку.
 Не неделюшку мне у вас неделевáт³,
 Что последнюю-то ноченьку ночевати.
 Что скажите-тко, милые, поведайте,
 Уж как же привыкать-то ко чужой семье,
 Ко чужиём-то родителем родимым,
 Что снимают-то с меня-то волю вольную,
 Волю вольную, девичью сла́вну красоту:
 Надевают на меня красоту не красную.
 Не любя её носи, да и нельзя сложить.

¹ Народные песни, записанные в деревнях Муравьёво, Новинках и Видино Брейтовской вол. Мологского у., публикуются впервые по материалам выпуска № 2 (1920 г. 15 июля) рукописного журнала Рыбинского научного общества «Родной край» (ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. С-8483. Л. 81–82об). В предисловии отмечено, что представленные тексты песен являются продолжением фольклорного материала, начатого в выпуске № 1 журнала (обнаружить не удалось). В Новинках песни записаны Е. Пигиной; имена других фольклористов не указаны.

² Сговорёнка — просватанная девушка.

³ Неделевáть — жить неделю.

Плач невесты

Уж вы, милые родители,
Уж как дождитесь вы,
Выдьте
На ясён крылец,
Поглядите-то вы на красное солнышко.
Не в тумане ли заходит ясное солнышко?
Не в печали ли кукушке жить во чужих людях,
У чужого-то отца да со матерью?

Вы горы, мои горы, горы Валдайские,
Ничего вы мои горы не спорóдили⁴.
Спорóдили эти горы бел горяч камень.
Из-под этого, из-под камушка течёт реченька.

Как на этой быстрой речке вырос част ракитов куст,
Как на этом на кусту сидит млад сизóй орёл.
Во когтях-то он держит чёрно ворона,
Чёрно ворона да брата родново.
Уж он бить его не бьёт, всё выспрашивает:
«Ты скажи-ка, чёрный ворон, где летал, полётывал?»

Уж что летал я по иным странам,
По иным странам, по диким степям,
Уж как видел-то я видел диво дивное,
Диво дивное — видел тело кровное солдатское.
Прилетели к этому телу три кукушечки.
Первая кукушечка — мать родная,
А другая-то кукушечка — родна́ сестра,
А третья кукушечка — молодá жена.
У родимой-то у матушки слёз река прошла,

⁴ Спорóдить — родить.

У родной-то сестрицы слёз ручьи текли,
У молодой у жены слёз роса легла.
У родимыи у матушки — горе до веку,
А у родной моей сестрицы — до замужьеца,
У молодой моей жены — до гуменьица⁵.

Отдал меня батюшка не в малую семью,
Что не в маленькую, не в согласную —
Только свёкор да свекровь, да четыре деверья́,
Да две тётушки, две золовушки.

Меня в избу-то ведут, все по прозвищу дают.
Уж как свёкор говорит: нам медведицу ведут,
А свекровь-то говорит: нам лёту змею ведут,
Деверья-то говорят: нам непряху⁶ ведут,
А золовки говорят: нам нетка́ху⁷ ведут,
А тётки-то сидят — всё про то же говорят.

Ввечеру-то я, младенька, призадумалася,
По утру-то я, младенька, поосмелилася.
Уж ты, батюшка, свёкор!
Дай мне по полу пройтись, слово вымолвить:
«Как медведица-то, батюшка, во тёмнуем лесу
А лютые-то те змеи —
Во крутых берегах.
А деверья вы, соколы, ваши жёны таковы.
А золоушки-голоушки⁸ —
Самим в люди идти,
Такую честь самим нести».

⁵ Гумённица — луговая трава.

⁶ Непряха — ленивая, нехозяйственная.

⁷ Неткаха — не умеющая ткать.

⁸ Голоушка — недогоревшее полено, головёшка.

А вот я тётушек-голубушек
 Поставлю на порог —
 И в три шеи до ворот.
 Муж на лавочке сидит,
 Ничего не говорит.
 Ты косись, не косись,
 Не боюсь я тебя,
 Не ударишь ты меня.
 Муж-от по полу прошёл,
 По щеке жену оплёл⁹.
 Жена ручку отвела —
 По всей харе оплела.
 Уж как свёкор-то на печи,
 Что кобель на цепи.
 А лютая-то змея —
 То свекровушка моя.

Вылетала голубина на долину,
 Выронила сизо-перье на долину.
 Тяжко лежать сизому пёрыю во долине,
 Тяжело лежать, сиротине, на чужбине,
 Во чужбине сиротине, во чужих людях.
 Наприматься¹⁰ мне, бедняжечке, неволи,
 Нароботаться тяжёлые работы.
 Что не сиз-голубь по воздуху летает,
 Мой-ет миленькой на горнице гуляет,
 Во гуселички играет.

⁹ Оплесті — ударить.

¹⁰ Наприматься — много испытать чего-либо, натерпеться.

Пойду выйду на парадное крыльцо,
Погляжу я в ту сторонку:
Не по реченьке ли то лебёдушка плывёт,
Не ко мне ли, родимая матушка, идёт.
Посмотри-ка на несчастну, на меня,
Как я маюсь, во чужих людях живу.
Разливалась Волга-матушка река,
Потопляла все зелёны берега.
Оставался один зелёненький лужок,
Становились все некрúтики¹¹ в кружок...¹²

Деревня Новинки

Поют, когда невеста идёт из церкви

Уж и свет ты наша изменщица,
Дорогая передумщица¹³,
Говорила: замуж не пойду,
Не пойду и не подумаю
Ни за князя, ни за бóйера¹⁴,
Ни за купчика-голубчика.
Пошла ты, наша Аннушка,
За такого добра молодца
Как за Ивана, свет Иваныча.

¹¹ Нёкрут — рекрут.

¹² Дальше говоривший не помнил. *Прим. фольклориста.*

¹³ Передумщица — та, которая передумала, изменила решение.

¹⁴ Бóйер (бóер) — барин.

*Поют невесте
в девичнике*

Не кладу я эти жалобы
Ни на батюшку, ни на матушку.
Что кладу я эти жалобы,
Что на свата, на ходатова¹⁵.
Который сват высватывал,
А чужую сторону выхвалявал,
Как не жила я, младая, не видела.
А поживши-то, я спроведала¹⁶,
Как чужая сторонюшка — она горем усеяна,
Горючими слезами поливана,
А причётом¹⁷ огорожена.

*Поют, когда невесту
ведут в баню*

Растоплялась нова банюшка.
Пожалей-ко, Анна, матушка,
С четверга её на пятницу,
А в субботу-то — девичник её,
В воскресенье-то — разлучный день.
Что разлучать с отцом, с матерью
Со любезным подруженькам.

¹⁵ Ходáтай — то же, что сват.

¹⁶ Спроведасть — узнать.

¹⁷ Причёт — плач, причитание.

*Поют в девичник
невесте-«сиротинке»*

Как на ёлке нету маковки,
У Татьяны нету матушки,
У Ивановны, родимые.

Собрала же она всех родных своих гостей,
Попросила она их от усердьца:
«Потрудитесь, дороги гости,
Сходите ко Божьей церкви,
Чтобы ударили в большое кóлокóло,
Чтобы расступилась сырая мать-земля,
Чтобы открылась гробовá доска,
Чтобы вышла родимая матушка,
Благословила меня под златой венец».

Не успела выйти матушка
Благословити меня, сиротинушку разгорькую.
Благословила меня родна крёснушка¹⁸,
И везли меня воронý кони
Ко Божьей церкви, ко златым венцам,
Увезли из-под венца молодые молодца,
Сгубили мою молодость.

Пришла же моя родимая матушка
Во своё да во подворьецо¹⁹.
Ещё искала же она свою родимую доченьку,
Как по своей да по деревеньке.
Спрашивала она свои соседи ближние:
«Не видали ли вы дорогой дочки?»

¹⁸ Крёснушка — крестная мать.

¹⁹ Подворье — место, занятое домом и двором.

Видели мы во весёлой беседушке,
Во её да брачной свадебке
Со своими-то со подруженьками.
Пошла она во зелёный сад,
Во зелёный сад на шёлкову траву,
Со своими то законным мыльем.

Пошла, родима матушка,
Где гуляли молодё люди.
Походила она да вокруг-то,
Не могла найти своей доченьки.

Уж ты свет, моя надёжа,
Куда же ты сорядился во сыру-землю?
На ково ты меня оставил
Со малым деткам?
А кого-то мне по утрам будить ранёхонько?
А кого-то мне подымать?
Когда же ты к нам придёшь домой?
Чтоб подхватили мы тебя под белы руки,
Чтоб повели то мы тебя в нóву горницу,
Чтоб посадили то мы тебя на большó место²⁰.
Ча́стить-то²¹ мы тебя будем, по́тчевать.
Говорить-то мы будем т́ихонько,
Спрашивать-то тебя мы будем жалобнёхонько
Про сиротскую жизнь, что про горе.
Потчевать то мы тебя будем питием сладкием,
Яствами-то сахарными²².

²⁰ Большое — здесь: главное.

²¹ Ча́стить — угощать.

²² Говорила это старуха вперемежку с рассказами о своей жизни. Чувствуется, что этот плач — её собственное творчество, собственная импровизация. *Прим. Е. Пигиной.*

На меже-то сидит жаворонок,
Он стихи-то поёт херувимские,
Жалобы-то кладёт на крестьянина,
На крестьянина, на богатова:
Разрушили они тёпло гнёздышко,
Покидали его родных детушек²³.

Смерть — ты люта и ужасна
Для нас, грешных человек.
На колени я к смерти припадала:
«Отпусти меня на час,
Дай с родными мне проститься
И со сродниками».

Мы пойдём-то, ярославцы, вдоль по Питеру²⁴,
Запойте, ярославцы, песню новую,
Ту, которую певали на синем море.
Мы не столько песни пели, сколько плакали
О таком о сержанте, об учебном,
О втором кавалере чёрнобровом.
Чёрнобровый, черноглазый, свет, состарился.
А постарила кавалера служба царская.
Смерть прекрасна от изменушки,
От такой большой изменушки графа Бибикова²⁵.

²³ Видимо, девушка не кончила песню; к середине она плохо помнила. Поётся, когда покойник лежит в избе. *Прим. Е. Пигиной.*

²⁴ Старинная «песенка», которую поют старухи. *Прим. Е. Пигиной.*

²⁵ Вероятно, имеется в виду Бибиков Александр Ильич (1729–1774), граф, генерал-аншеф, главнокомандующий войсками в борьбе с поль-

Деревня Видино

*Песни, под которые
танцуют чиж²⁶*

Шура кофей разливала, офицера поджидала.
Офицер молоденький, его зовут Володенькой.
Дорогая моя Шура, помолися обо мне,
Чтобы беднова Володю не убили на войне.
В поле пули пролетали мимо самого меня —
Видно, Шурина молитва скоро до Бога дошла.

Как по нашему-то бережку
Едет милый на беседушку.
Его кони распрягаются,
Золотá дуга ломается.
Мой-ет миленький усан, усан, усан²⁷,
Привязал меня к росаднику косам.
А росадник на самой красоте,
Досталось затылку и косе.

скими конфедератами (1768—1772) и при подавлении Пугачёвского восстания (1773—1775). Умер 20 апреля 1774 года в Бугульме. Официальная причина смерти — от холеры; по неофициальной версии был изменнически отравлен агентом польских конфедератов.

²⁶ Чиж — танец кадрили.

²⁷ Усан — человек с усами.

Заводушки мои, заводы, заводы кирпичные,
Скажите-тко вы, заводы, кто вас сперва завёл?
Заводил эти заводы сын купеческий,
Сын купеческой завёл
С красной девушкой, душой Пелагеюшкой.
Не закончивши заводы, сама в лес пошла,
Во лесу-то она заблудилася,
На прекрасное на древо засмотрелася,
На прекрасное на древо, на рябинушку...

Припевки за пряжей

Ой, села пряхть [*неразборчиво*]
Грязь, а возле пряхи нельзя сесть.
Ой, отойди косая рожа,
На ково же ты похожа.

Пряди моя пряха,
Пряди, не ленися.
Я бы рада пряхть,
Да меня в гости звали.

В чистом полюшке работала одна,
Вольна пташечка вилася вкруг меня.
Ты не вейся, вольна пташка, вкруг меня,
Не расстраивай сердечко у меня.
У меня сердечко тошненько,
Я люблю, который [*неразборчиво*].

ЧАСТУШКИ¹

I.

1. Пароходики от Вольского
Тихохонечко идут.
Нет ли весточки от милого,
Скажите кто-нибудь.

2. Погляжу из-за мыса
Не видать ли паруса?
Коля в розовой рубашечке
Стоит у колеса.

3. Я на камушке стояла,
Плátки бéлы полоскала.
Загляделась на дружка,
Упала в воду с камушкá.

¹ Частушки, распространённые в Мологском уезде в начале XX в., публикуются впервые по двум рукописным источникам.

В первом разделе — частушки, собранные по рекам Шексне и Мологе, в том числе, в Брейтовской вол. Мологского у. (1912 г.); из архивных материалов литературоведов М. А. и Т. Г. Цявловских (РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Д. 1857. Л. 2–11об).

Во втором разделе — частушки, записанные членами Мологского общества изучения родного края в 1918–1919 гг. Публикуются по выпускам № 2 и № 3 (1920 г.) рукописного журнала Рыбинского научно-общества «Родной край» (ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. С-8483. Л. 68, 83–84).

Некоторые частушки обработаны А. Клоповым и О. Коробковой.

4. Я любила цветы алы
По дороге собирать.
Полубила Вани глазки,
Да придётся забывать.

5. У чайника
Рыло² голубое.
Что же мне не завлекаться?
Дело молодое.

6. На качелюшке качалась,
Под качелюшкой — вода.
Белы юбки замарала,
Мне от матушки беда.

7. У поленницы у дров
Уговаривал Петров.
Я сама себе подумала —
Какая с ним любовь?

8. Как у нашего Семёна
Выросла трава зелёна.
Ты Семён-ли, мой дружок,
Поди выкоси лужок.

9. Что ты, милый, окосел?
Не на те колени сел!
Ничего не окосел —
Куда хотел, туда и сел.

² Рыло — носик чайника.

10. Мимо нашего окошка
Пробежал телёночек.
Я за хвост его схватила —
Думала, телёночек³.

11. Полюбила двух Ив́анов
За великие грехи.
Одного берут в солдаты,
А другого — в пастухи.

12. На окошке свечка тает,
Под горой⁴ собака лает.
Сиволапая, не лай —
У меня милый Николай.

13. Дипломату⁵ места нету,
Я повешу у дверей.
Если поп не обвенчает,
Обвенчает архирей.

14. В семинарию идти —
Дорожка камениста.
Подружка любит техника,
А я — семинариста.

15. Я на печке за трубой
Слышу: мил пришёл за мной.
Черномордая моя,
Уж беседа собранá.

³ Сравните с частушкой № 82.

⁴ Гора — высокий берег реки.

⁵ Дипломат — женское (или мужское) зимнее пальто.

16. Уж ты Коленька —
Косторыленький⁶.
Подарил бы перстенёк —
Был бы миленький.

17. Я сидела под окном,
Ела кашу с молочком.
Рассердилась на милого
Да по каше кулачком.

18. Ты не думай, я не дура,
Я не выйду на крыльцо.
Не махну бѣлым платочком,
Не отдам с руки кольцо.

19. Вы ребята-ёжики,
В голенищах ножики.
По две гирьки на весу,
Револьвер на поясу́.

20. После дождичка грязненько,
Стóят лужи во полях.
Мой-от миленький в калошах,
В смазных сапогах.

21. Мой-от милый половой
Загасил огонь ногой.
Загасил огонь ногой,
Проводил меня домой,
До лужка, до камушка,
И сказал: прощай, Маланьюшка.

⁶ Косторылый (косорылый) — бранное слово; рыло — нижняя часть лица; подбородок.

22. Распроклятая машина
Утащила⁷ друга-мíла.
Я поеду ко другу в Питер,
Чтобы слёзки мои вытер.

23. По дороженьке железной
Мил из Питера катил.
Не дарил милóй подарков,
Потому что не любил.

24. Дома ужинать садятся,
Сумлеваются о нас:
Где отчаянны головушки
Шатаются у нас⁸?

25. Не любила чаю пить,
Любила по вóду ходить.
Потому любила я —
Мимо дому миловá⁹.

26. Милый «что» да милый «что».
Милый, чтокаешь почто?!
Я простого, милка, званья,
Так и чтокаю так что.

27. Остряковские¹⁰ ребятушки —
Чавó, чавó, чавó.
Остряковские ребятушки
Похожи на чавó.

⁷ Утащить — увезти.

⁸ Речь о молодых, долго гулявших и не пришедших к ужину.

⁹ То есть мимо дома, где живёт любимый человек.

¹⁰ Из дер. Остряково Брейтовской вол.

28. В Филимоново¹¹ идти —
Узенький прогончик¹².
С кем-бы, с кем-бы заказать
Милому поклончик?

29. Филимоновски ребята
Ровно дымчаты котята.
Хлопнули ушами,
Побежали за мышами.

30. Филимоновски девáши¹³
Не умеют шить рубахи.
Шьют набором¹⁴ наперёд,
Никто замуж не берёт.

31. Ягодинка наливная,
Моя милая кривая.
И корява, и крива
Что еловая кора.

32. Свою милую косую
На тальянке нарисую.
А с тальянки на портрет.
Косая — любишь или нет?!

33. Уж вы девушки,
Да по горошинке.
Ничего, что малы,
Да все хорошеньки.

¹¹ Из дер. Филимоново Брейтовской вол.

¹² Прогон — обнесённая изгородью дорога, по которой гоняют скот на пастбище и водопой.

¹³ Девáши — девушки.

¹⁴ Набор — складка, сборка на одежде.

34. К Филимонову подходим,
Телеграмму подаём:
Убирайте старых девок,
Мы молоденьких найдём.

35. В Филимонове деревне
Два колодца новые.
Две девицы брали воду,
Обе чернобровые.

36. Милая, горячая,
Тебя любить не для чего.
Сердечко — камень у тебя:
Сидишь, не взглянешь на меня.

37. Пойду плясать
Да по соломушке.
Разойдись, народ,
Да по сторонушке.

38. Пойду плясать,
Молодешенька.
Кто б меня поцеловал —
Да я радешенька.

39. Пойду плясать
Вдоль горницы.
Пускай говорят,
Что вольница¹⁵.

40. Пошёл плясать,
Сапоги-то рвутся.
Кафтан до пят —
Девушки смеются.

¹⁵ Вольница — сплетница.

41. Эх, топни нога
 Да не жалеј сапога.
 Батјка нове сошъѣт
 Или стары подошъѣт.

42. Тјатјка, мамка! Ја не ваш,
 Ја не буду жити у вас.
 Мало хлеба мне дајете,
 На работу гоните.

43. По поповой улици
 Ехал поп на курици.
 Попадја за ним пешком,
 Чешет косу гребешком.

44. Люди гоночки¹⁶ гоняют,
 Мы на барочках плывём.
 Люди девок увлекают,
 Мы же вовсе не берём.

45. Для чего ходить на поседку¹⁷,
 Ведь с ней не посидел?
 Моё место было занято,
 Весь вечер проглядел.

46. Посадили на машину,
 Загубил головушку¹⁸:
 «Ты вези меня, машина,
 На чужу сторонушку».

¹⁶ Гонка — несколько скреплённых вместе плотов из брёвен, идущих на дрова и другие цели.

¹⁷ Поседка — то же, что беседа (вечернее собрание молодёжи).

¹⁸ Загубить — повесить голову, расстроиться.

47. Во зелёный по́йду сад,
Сорву цветик али пять:
«Давай, милая, мириться,
Жить по-старому опять».

48. Ты в покое, я страдаю.
Ты смеёшься, я терплю.
Что за глупая такая,
За чего тебя люблю?

49. Милая, заветная,
По косе заметная,
Рожку¹⁹ жнёт на полосе,
Алеет ленточка в косе.

50. Сухопутная машина,
Ты куда торопишься?
Увезёшь милóго в Питер,
Сама назад воротисься.

51. Ты скажи, моя милáя,
Чегó дома говорят?
За гулянице — ни слова,
За тебя, милой, бранят.

52. Не ходи, я не желаю:
О тебе сердце не мрёт.
Я давно сказать не смею:
За тебя мамаша бьёт.

53. Не зачёсывай зачёсы,
Чернобровая моя.
За твои русые косы
Бьют молодчика меня.

¹⁹ Рожь.

54. Матушка не родненька —
 Похлёбушка холодненька.
 Кабы родненька была,
 Щец горяченьких влила.

55. Я во нынешнем году
 Тятке сделаю беду:
 Подворотню²⁰ изломаю,
 Жеребёнка уведу.
 Пускай тятка хватится —
 На овце прокатится.

56. Раз сумели выбросить —
 Сумейте выдержáть.
 Не пускайте поздно вечером
 На улицу гулять²¹.

57. Тятка с мамкой, не перечь!
 Расковеркаю всю печь,
 Раскачу по кирпичу,
 Сам с машиной укачу.

58. Не ругай меня мамаша
 За весёлую гульбу:
 Пройдут годы молодые —
 Посылайте, не пойду.

59. Моя мама дорогая
 Никогда не забранит:
 Приведу милогó в гости —
 Мама чаем напоит.

²⁰ Подворотня — бревно между воротами и землёй.

²¹ То есть родители должны не только вырастить, но и правильно воспитать своего ребёнка.

60. Вы, родители-губители,
Залейте в печке жар.
Разлучаете — не знаете,
Кого на свете жаль.

61. Меня дома строго держат,
Запирают на ключи.
На досаду любить стану,
Коли стали стеречи.

62. Меня дома караулят,
Караульте — за одно²²:
У меня и у милёночка
Задумано одно.

63. Маменька, родимая,
Не ругай за милого.
У тя немного дочерей —
Только я единая.

64. Я косила-косила,
Косу под ёлку бросила,
Лопатки²³ на ёлочку —
Сама пошла к милёночку.

65. У меня милёнок есть
В том конце и этом.
Одного люблю зимой,
А другого — летом.

²² За одно — всё равно.

²³ Лопатка — приспособление для заточки кос с деревянной ручкой.

66. Миленький, кудрявенький,
Купи конфетку с барынькой.
Как я в беленьком платочке
И во новних сапогах.

67. Неужели, Ваня, сбудется
Во нонешнем году...
Золотой венок наденут
На головушку мою.

68. Бабы судят на мосту,
Что я бойкая расту...
Не судите меня, бабы,
Я не испугалась —
Я за ваших сыновей
Замуж не сбиралася.

69. Моя задуманна в лесу
Ёлочка сломилася.
За Борю замуж выхожу,
С подругами распростилася.

70. Нам не в старосты садиться,
Нам не деньги наживать:
В праздник пива лишь напиться,
На беседе погулять.

71. Мне недолго молодому
Ходить по тятину крыльцу.
Как женюся — отделиюся,
Своим домом заживу.

72. Напрасно, миленький, не сватай,
Меня родитель не отдаст.
Сиротиночка ты бедный —
Тятенька богач у нас.

73. Лопаточки мои,
Лопаточки берёзовые.
Приходите к нам гулять,
Молодцы берёзовые.

74. Во хмелю будé придёт
С посиделки мы уйдём.
И беседы в мясоед
Ни одной не соберём.

75. Скóрник²⁴ сватать приходил,
Сам овчину приносил.
Эка, дура, не брала —
Вот бы шуба-то была!

76. Не сердись, моя зазнобушка —
Я с Марфушей попляшу.
У тебя нога больная —
Я ж без пляски не могу.

77. Шёл я нивой, видел диво —
Жáла милая моя.
Я сказал: «Бог на помочь, старинная²⁵!»,
И заплакала она.

²⁴ Скóрник (скорняк) — мастер по выделке мехов.

²⁵ О людях старшего поколения.

78. Милый мой, моя отрада,
Сколь тоскливо без тебя.
Жизни я своей не рада,
Что влюбилась в тебя.

79. Неужели лесу нету —
Я осинушку рублю.
Неужели девок нету —
Сиротинушку люблю.

80. Сколько лесу не рубила,
Крепче дуба не нашла.
Сколько милых не любила,
Лучше Вани не нашла.

II.

81. Я любила это полюшко,
Любила и пожать.
Любила в серой гимнастёрочке
До дому провожать. [1]²⁶

82. Из того конца идёт
Красенький телёночек.
Я схватила за бочок,
Думала — милёночек²⁷. [1]

83. Я не утка и не гусь,
Плавать не умею.
Там я полюблю,
Где ни гор, ни воды, ни шёлковой травы. [2]

84. Пароходики от Рыбинска
Все идут тихонечко.
Горю моему, товарка²⁸,
Помоги малёхонько. [2]

85. Сколько писем получала
От милóва своего.
Это мне не интересно —
Повидать бы самого. [2]

86. Шура мой! Шура мой!
Шура веры не такой —
Шура веры из Карелы.
Шура, миленький ты мой! [2]

²⁶ Здесь и далее цифрами отмечены деревни, где были записаны частушки: 1) Видино, 2) Новинки, 3) Муравьёво (все — Брейтовской вол.).

²⁷ Сравните с частушкой № 10.

²⁸ Товарка — подруга.

87. Я умру, а вы положите —
Мне лежать-то всё равно.
Не поминайте про милóва,
Жаль тошнёхонько его. [2]

88. Ты скажи-ка, ягодина,
Во вторичку²⁹, что мила.
Я надеяться бы стала,
Сероглазый, на тебя. [1]

89. Во саду берёзка сохнет.
Поливай берёзку, дождь!
У меня милова нет,
Веселись одна, как хошь. [2]

90. Я тогда тебя забуду,
Ягодина дорогой,
Когда вырастет на камушке
Цветочек голубой. [2]

91. Машина свистнула, пошла,
Реечки забрякали³⁰.
Мы с милёночком сидели,
О любви плакали. [2]

92. Горя нет, а я горюю,
Юбку чёрную ношу.
Цело лето по милёнку
Я сама себя сушу³¹. [2]

²⁹ Во вторичку — второй раз.

³⁰ Об отправлении поезда.

³¹ Томиться, изнывать от любовной тоски.

93. Каждый раз я зарекалась
Под тальянку песни петь.
Мой милёнок заиграет —
Ни за что не утерпеть. [2]

94. Хоть не миленький играет,
А товарищ дорогой,
Ты скажи, товарищ, милому,
Что гуляет с сиротой. [2]

95. Гуси серые летели,
Догоняли уточку.
Дайте, дайте посмотреть
На мовó минуточку. [2]

96. Мой-ет милый любопытный
Мой характер хочет знать.
Поговорочку с улыбочкой
Ему не разгадать. [2]

97. Ягодина дорогой,
Где вы находились?
Неужели столько время
На меня сердились? [2]

98. Раскатилася малина
По белóму блюду,
Ой-ле-лю-ле-лю, по белóму блюду.
Пока любила за рекой,
А теперь не буду. [2]

99. Стой машина, стой вагон —
Шлю милóму я поклон.
Если ты не остановишь,
То по харе — сапогом! [2]

100. С неба звёздочка упала
В аккурат на самый низ:
У меня — красногвардеец,
У товарки — коммунист [2]

101. Где бы, где бы увидеть
Дорогого мѝлушку!
Рассказала бы ему
Горя половинушку. [2]

102. Не одна замечена
В поле воросиночка³².
Не одна и я осталась:
Милёнок — сиротиночка!

103. У меня четыре милых —
Все четыре богача.
Никого-то мне не надо,
Кроме Фёдорыча. [2]

104. Все ребята на беседе,
Только нету моего!
Хоть бы маленького мальчика
Послали по него. [2]

105. Я пойду да поломаю
В огороде ивушки³³.
Дорогой! Твои глаза
Сводят до могилушки. [2]

³² Воросинка — былинка (стебелёк травы)?

³³ То есть ивовые колья в изгороди вокруг приусадебного участка.

106. Я иду, калоши
На ногах не стучают.
Потому не стучают,
Что милой мой в некрутах³⁴. [2]

107. Только двери отворили,
Вижу — миленький с другой.
В это время подкатился
К сердцу камень пудово́й. [2]

108. Я не знала да купила
Серенький остаточек.
Я не знала, полюбила
Много супостаточек. [2]

109. Все я реки исходила,
Все крутые бережка.
Я такой травы искала —
Присушить себе дружка. [2]

110. Борисоглебская³⁵ дороженька —
Берёзкам ураши.
Которо слово согрubiла
Ягодиночка, прости!

111. Эки глупые родители
У девицы у меня:
Не дают повеселиться —
Постоянно в горе я. [2]

³⁴ Нёкрут — солдат-новобранец.

³⁵ Борисоглебское — село в Брейтовской вол., на реке Мологе; известно по одноимённой усадьбой графов Мусиных-Пушкиных.

112. Куда ветер не подует —
 Всё шелкóвая трава.
 Куда глазóнки не зглянут —
 Всё чужая сторона. [2]

113. Земляничка-ягодка
 Далёко укатилася.
 Стала прежняя любовь —
 Назад бы воротилася. [2]

114. Ты играй, играй тальянку.
 Ты играй, не унывай.
 Не гляди, милой, на басенки³⁶ —
 Ты люби, не забывай. [2]

115. Не кукуй, кукушка серая,
 На осине проклетой.
 Сядь на белую берёзоньку —
 Прокукуй-ко сиротой. [2]

116. Надоели бусы-дуты —
 Надо скинуть с шеи.
 До чего поисхудала
 В эти две недели. [1]

117. На окошечке клубочек,
 Туго натуго набит.
 И не знаю ягодиночку —
 Он в плену или убит? [3]

118. На окошечке клубочек,
 Двадцать пять иголочек.
 Говорила: коммунист,
 Не коммунист — милёночек! [3]

³⁶ Басня — враньё, выдумка.

119. На окошечке клубочек,
Завита иголочка.
Распроклятые германцы
Ранили милёночка. [3]

120. Сдали милого в солдаты
И угнали на войну.
Прострелили праву руку
Дорогому моему. [3]

121. С Новым Годом, с новым счастьем
Поздравляю, милый, вас!
Я такие речи слышала,
Что вторая есть у вас. [3]

122. Задушевная подруга,
Шура, милая моя,
Поувéдывай-ка³⁷ милова —
Любит ли меня? [3]

123. Задушевная подруженька,
Цветочек голубой,
Окажи тому почтенье,
Кто моей душе милóй!

124. Я сегодня надевала
Голубую юбку-клéш —
По характеру милёночка
И не скоро подберёшь. [3]

125. Мы с подружкой жили дружно.
Одного любить не нужно!
Мы любили одного —
В солдаты óтдали его. [3]

³⁷ Поувéдывать — разузнать.

126. Две берёзки — обе белые.
Которую рубить?
Два милёнка задушевные,
Которого любить? [3]

127. У милóго моего
Тросточка камышева³⁸.
Не на то ли рассердился,
Что кисет не вышила? [3]

128. Я любила боронить,
Камешки выкидывать.
Сдали милого в солдаты —
Года три не видела. [3]

129. Шила юбочку косую,
Оставляла на кисет.
Не пойду далёко замуж —
Уговаривал сосед. [3]

130. Шила милому кисет,
Маменька не ведала.
Маменька за скобочку³⁹,
Я кисет — в коробочку. [3]

131. Я сегодня надевала
Голубую юбочку.
Неужели не придёт
Милый на побывочку? [3]

³⁸ Трость из камыша (точнее — из тростника).

³⁹ Скобка — дверь.

132. Поджигала я берёзку,
А берёзка не горит.
Рассердила я милóго,
Забегала — не глядит! [3]

133. Бога нет, царя не надо,
Бéлу гвардию долой!
Контрибуцию⁴⁰ не платим
И в солдаты не пойдём.

134. Сапоги на мне худые —
Их мне Ленин подарил.
При царе, при Николае,
Лакированы носил.

135. Пока царь был Николашка,
Ели бéлы коровашки⁴¹.
А теперь советска власть —
Нечего в квашонки класть.

136. Ты не плачь, родима мать,
Ты не плачь — не пропадём!
Мы читать, писать умеем —
В комиссары попадём.

⁴⁰ Контрибуция — чрезвычайный революционный налог на богатых.

⁴¹ Коровай — хлеб из пшеничной муки.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ¹

1. Без песен — рот тесен.
2. Дорого — так мило, дешёво — так гнило.
3. Пьяный решетом деньги меряет, а проснётся — и решета не на что купить.
4. Пьяный проспится, а дурак — никогда.
5. Божья мучка, да чёртовы ручки².
6. Позавидовал голый плешивому.
7. Хвастливого с богатым не различишь.
8. На яму хламу не напасёшь.
9. От горба богат не будешь.
10. Скупость — не глупость, а простота — воровство.
11. Ой, хохой! Сам плохой, а детки — мальче.
12. Стар селезень, а уха сладка.
13. Пей винцо умненько — подадут ещё маленько.
14. Вяжи горе верёвкой.
15. Пень колоти, да день проводи.
16. Сказали, что кошку связали, а она — бежит!
17. С сильным не тянись, с богатым — не судись.
18. Пан — так пан. Пал — так пал.
19. Иль грудь в крестах, или голова в кустах.
20. Не рука Макару коров доить.

¹ Публикуются впервые по материалам краеведа Ивана Дмитриевича Истомина, председателя Воятицкого кружка Мологского общества изучения родного края (1920-е гг.). Источник публикации — выпуск № 3 (1920 г. 21 августа) рукописного журнала Рыбинского научного общества «Родной край» (ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. С-8483. Л. 72об-73). Пословицы и поговорки в первоисточнике не разделены и публикуются здесь, как есть.

² О неумелой хозяйке, которая только портит хорошие продукты.

21. Это горе — не горе, лишь бы не было боле.
22. Трудно ногам под пустой головой.
23. Счастье действует на свете: дурак едет в карете, а умный — на худой телеге.
24. Вот так фунт! Тяжелее пуда.
25. Выучиться — что камешка укусить.
26. Нет хуже: ждать да догонять.
27. Исподволь, то и олёшка гнётся.
28. Обряди пенёк, так будет паренёк.
29. Молодуха, не берёт ли тебя голодуха?
30. Молодуха живётся, отопок³ смеётся: повернётся, да ещё три года просмеётся.
31. Трёску бояться — и в лес не ходить.
32. Старый конь борозды не испортит.
33. Хлеба край, так и под елью — рай.
34. Пожила бы в шалаше, кабы милый по душе.
35. Не горюй, сова, о сове, а горюй сама о себе.
36. Красна пава перьями, честна жена — мужем.
37. Не поя, не кормя и ворога не увидишь.
38. Красота пригладится, а ум — пригодится.
39. На посуле то, как на стуле.
40. Кто едет, тот и правит.
41. Жаль тебя! Да никак себя.
42. Брат брату поневоле друг.
43. Они, что поле без огорода.
44. Семеро капралов, а один рядовой.
45. Ну, и тоска! Не шёл бы от куска.
46. По за глазам-то и царя-батюшку ругают.
47. В Советской республике жердь — два рубля.
48. Эх, уж, эти нам спецы⁴!
49. Центр не виноват [?]

³ Отопок — остаток сальной свечи.

⁴ Имеются в виду военные и гражданские специалисты «царского» периода, перешедшие на службу Советской республике.

ПРИМЕТЫ¹

1. Если Вербница красная², то весна будет недужная, холодная.
2. Если в Чистый понедельник³ снег — в лес будет след.
3. Неделю до Благовещенья или недоездили, или неделю переездили на одном полозе⁴.
4. Лягушки квакают перед тёплой погодой.
5. Лошадь всхрапывает перед дождём.
6. Солнышко садится в тучи перед тёплой погодой или дождём.
7. Если в апреле гроза — будет лето гремливое.
8. Пузыри лопаются в лужах в момент дождя — перед ненастьем.
9. Птицы ошипываются перед дождём.
10. Ласточка низко над землёй летит — перед дождём.
11. Если птица кричит «пить-пить» — будет дождь.
12. Крутая радуга перед вёдром⁵, отлогая — перед дождём.
13. Если при весеннем прилёте птицы прячутся по лесам — будет стужа.

¹ Публикуются впервые по материалам краеведа Ивана Дмитриевича Истомина, председателя Воятицкого кружка Мологского общества изучения родного края (1920-е гг.). Источник публикации — выпуск № 3 (1920 г. 21 августа) рукописного журнала Рыбинского научного общества «Родной край» (ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. С-8483. Л. 69–69об).

² Вербница — Вербная неделя; красная — здесь: ясная, солнечная.

³ Чистый понедельник — первый день Великого поста.

⁴ Благовещенье — церковный день почитания Благовещения Пресвятой Богородицы, приходящийся на 25 марта (7 апреля). Считалось, что санный путь становится непроезжим не в один день, а к этому празднику.

⁵ Вёдро — ясная погода.

14. Откуда ветер в Страстной четверг⁶ — оттуда будет дуть семь недель (семик), изредка меняя своё направление.
15. В Сорока святых⁷ мороз — сорок утренников.
16. Если птичка кричит «тава-тава» — скоро будет трава
17. Масленица красная — будет урожай пшеницы.
18. Если вороны высоко на дереве выют гнёзда — быть большой воде.
19. Зимой, если рыба ловится около берегов — к большой воде, если на большой глубине — к малой.
20. Если заяц кору около земли гложет — к маленькой воде, а высоко — к большому разливу.
21. Если снег солнышком сгонит — сей лён на низкие места.
22. В Егорий⁸ мороз — по запустам овёс⁹.
23. Рожь сей хоть на часок, да в песок, а овёс в грязь — будет вязь¹⁰.
24. Если черёмухова цвета много, будет урожай ягод.
25. Во время цветения черёмухи и малины — карась нерестится.
26. До Ильина дня в стоге пуд мёда, а после — пуд навоза¹¹.
27. Кузнечики стрекочут — хлеб поспевает.
28. Если у навозного жука под передними лапками яйца¹², то будет хорош ранний сев, а если под задними — поздний.
29. В апреле земля преет.

⁶ Страстной (Великий) четверг — четверг Страстной недели.

⁷ Сорок святых (мучеников севастиийских) — день народного календаря, приходящийся на 9 (22) марта.

⁸ Егорий Вешний (Юрьев день) — день в народном календаре, приходящийся на 23 апреля (6 мая).

⁹ Запусто — даром. То есть, если в этот день случится мороз, то летом будет богатый урожай.

¹⁰ Рожь нужно сеять в сухом месте, а овёс — во влажном.

¹¹ Ильин день — церковный день памяти пророка Илии, приходящийся на 20 июля (2 августа). До этого дня заканчивали сенокос, потому что именно в это время можно было собрать сочную и пригодную для заготовки сена траву.

¹² Яйца — здесь: паразиты.

30. В апреле трава не растёт, а конь наедается.
31. Месяц май — коню сена дай, а сам на печку полезай¹³.
32. Воробьи в песке или в воде купаются — перед дождём
33. Рожь сей хоть за день, но до Фрола¹⁴.
34. Днём раньше посеяли, неделей раньше сожнём.
35. В четверг Страстной недели хвосты у скотины постригают, чтобы лучше велась.
36. Уголь из печки выскочит — к гостю.
37. Платье или ногу в дверях придавить — к гостю.
38. Правый глаз чешется к слезам, левый — к радости.
39. Бровь чешется — знакомого встретишь.
40. Макушка носа чешется — к покойнику.
41. Курица петухом запоёт — к несчастью в доме.
42. Левая поджилка¹⁵ чешется — к дороге.
43. Правая ладонка чешется — деньги получать, левая — отдавать.
44. Если поп или баба навстречу попадётся — пути не будет.
45. По пути на левый бок упадёшь — к неудаче, на правый — к удаче.
46. Заяц дорогу перебежит — пути не будет.
47. Белка лесная в дому побывает — к покойнику.
48. Сорока под окнами стрекочет — к родному гостю.
49. Кошка лапками умывается — к гостю; куда хвост, от туда и гость.
50. Большие чёрные тараканы ведутся — скотина будет вестись.
51. Если во время колошения¹⁶ хлебов по ночам бывают хлебозоры¹⁷ — к большому урожаю.

¹³ Необходимость «полезать на печку» связана с майскими холодами.

¹⁴ Фролов день — день народного календаря, приходящийся на 18 (31) августа. Название происходит от имён христианских святых Флора и Лавра, которые в народных поверьях считались покровителями лошадей.

¹⁵ Поджилка — коленное сухожилие.

¹⁶ Колошение (выколашивание) — период в развитии колосовых, характеризующийся появлением колоса.

¹⁷ Хлебозор — отдалённая молния во время цвета и налива хлеба.

ТРАВНИК ТИМОФЕЯ РЫЖИКОВА¹

ПЛАКУН²

Есть трава «Царь Плакун». Растёт она при реках, при оврагах и около полей. Ростом высока — в конопель. Цвет на ней багрово-красный. Большая польза держать в дому: бу-

¹ Публикуется впервые по материалам краеведа Ивана Дмитриевича Истомина, председателя Воятицкого кружка Мологского общества изучения родного края (1920-е гг.). Тот в 1918 году списал приведённые сведения с тетради Тимофея Рыжикова, крестьянина дер. Тургенево Городецкой вол. Мологского у. Источник публикации — выпуск № 3 (1920 г. 21 августа) рукописного журнала Рыбинского научного общества «Родной край» (ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. С-8483. Л. 73об–75об, 105об). Комментарий к публикации составлен Гариним Э. В., к. б. н., старшим научным сотрудником Института внутренних вод им. И. Д. Панина РАН.

Травник — особый вид врачебного пособия по употреблению травянистых растений. Данный текст в качестве сокращённой версии через ряд переписей (или устных пересказов) восходит к «Лицевому травнику» конца XVIII в. (Российская государственная библиотека. Музейное собрание. Ф. 178. № 4492) либо иному источнику, являющимся общим для обоих текстов. В ряде случаев названия, упомянутые в травнике, совпадают с современными (напр., пырей, воронец, лебеда), что не говорит о том, что речь идёт об одних и тех же растениях.

² Дербённый иволистный (лат. *Lýthrum salicária*). Ср. с «Лицевым травником»: «*Есть трава Плакун, растёт при реках и при озёрах, и при малых ручьях, ростом в конопель высока, цвет багров или красноват, а корень жесток, что древо. И та трава держать в чистоте в домах, и на ней или на корени поставлять, и то бежит прочь от той хранины дух нечисты, а дом покровен будет Богом от пакости. А корень ея аще угоден крест резати и носити на себе — и тот человек не боится диавола и злою смертию не умрёт*».

дете счастливы и бед не будет. Корень, подобно талисману, носить надо на шее — избежишь опасности и злой смерти. Настоянную воду его поить кликуше.

АДАМОВА ГОЛОВА³

Растёт в пустых старых лесах, на низких местах. Растёт кустиком. Имеет по восемь или девять листиков. Величиной с четверть или повыше. Цвет бывает или багровый, или жёлтый. Собирается при цветении с молитвой «Отче наш». Сок её давать женщине для облегчения родов. Кто хочет видеть чудеса, пусть возьмёт корень её и в течение сорока дней будет их видеть. Если рану кто имеет, пусть прикладывает листьями её, смоченными в её же соке.

ЛЕСОВЫЕ ПОСТРЕЛЫ⁴

Ростом четверти три и выше. Цвет синь, петушками, крючковат. Носи на шее: все люди будут тебе доверять и ни в чём не отказывать.

³ Башмачок настоящий (*Cypripedium calceolus* L.) [?]. Ср. с «Лицевым травником»: «*Есть трава Адамова Глава, растёт собою в локоть кустиками при болотех раменских, цвет на ней рудожёлт, кувшинцами, а листов на ней по девяти и по двенадцети. И та трава имать в Иванов день к вечеру или поутру на зоре рвать и пронять ея сквозь золото или серебро, или сквозь крест серебряной. А угодна та трава, которой человек порчен злою порчею, дать пить, утопя в уксусе с травою пострелом на исходе, тот час здрав будет. А корень угоден давать, которья жены детей не родят, дать пить в молоке козье, будет добро. А цвет ея угоден носить на себе на главе — и тот человек будет достоин всякой чести и почтен будет везде, потому что трава именуется царь. А корень ея как есть человек*».

⁴ Борец северный (*Aconitum septentrionale* Koelle) [?].

БОРОВОЙ ПОСТРЕЛ

Растёт на борах. Ростом он 5–8 вершков. Растёт кустиками. Цвет — бел, как снег. Листочки маленькие и от земли только, сверху нет. Сверху синеватый с красным оттенком. Станет раскидываться — будет, как маков цвет. Рвут его 9 апреля.

Сок и настойка пользу приносят при заразных, худых болезнях (сифилис). Кто имеет слабый голос, тот должен пить из неё настойку: будет крепкий, хороший, приятный голос. Кто носит при себе — хранит от несчастных случаев.

ПЕРЕКОП⁵

Растёт около рек на болотах и на чистых местах. Как только наступит Иванов день 23 июня — идти и собирать. Цветом красновата. Из цветов у неё тогда видны уже семечки. Корень красный и крючковатый. Семена собрать, истолочь и настоять. Корень тоже. Пьют, когда болит живот и от поноса.

ЧЕРНОБЫЛИЦА⁶

Растёт вместе с крапивой. Истолочь с плакуном да с болотным былём, и давать лошадям — хорошо ведутся.

⁵ Сабельник болотный (*Comarum palustre* L.). Ср. с «Лицевым травником»: «*Есть трава Перекоп и Оборотим, та же растёт при реках и при полниках на чистых местах, цвет красноват, а как отцветёт — ино семечка, корень красен корчеват. И та трава пить на исходе месяца порченому человеку — поможет, и от утробы добра она же, и на себе носить, где хошь ити, и тот человек приход являет добр. А только рвать с приговором. Вельми добро с нею ходить, честен будет вельми везде*».

⁶ Полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris* L.).

БОЛОТНЫЙ БЫЛЕЦ⁷

Растёт подле рек. Высока, что крапива. Цвет бел. Корень весьма велик, красноватый, дух тяжёлый. Растолоченный в муку и смешанный с водой хорошо давать нервным и страдающим чёрной болезнью. Изнурённым болезнью и не могущим оправиться от неё — давать пить в уксусе или в прокисшем меду.

КОТОВА МУКА

Собой мала. Растёт на пашнях ржи. На ней синенькие чашечки. Истолочь и, смешав с коровьим маслом, прикладывать, у кого есть золотушные.

ДЕВЯТИСИЛЬ⁸

Растёт он на хороших местах. Ростом высок. Листы походят на хрен. Цвет жёлтый. Кого мучит удушье, утопи корень в патоке и натошак пей. Кто хочет иметь красивые глаза, чище вымой его и сварить с крапивой в вине, и пить до солнышка, на заре натошак. У кого болит грудь — намелко истолочь, смешать с мёдом и мазать больное место. У кого кашель или малокровие — нужно пить его сок в уксусе с пресным мёдом натошак. От болезни печени и глаз нужно искрошить и сильно да много его варить, а потом плотно закрыть посудину, чтобы трава упрела. Всю дрянь выгонит и возвращает человеку здоровье.

⁷ Ср. с «Лицевым травником»: *«Есть трава Болотной былец, растёт подперен, высока, что кропива, цвет на ней походил что бел, и корень мохнат, черен и красноват, дух тяжек. Добра та трава ходит с нею на медведи борцем, и бойцем, и водильником. Да она же добра, на котором человеку чёрная болезнь, или моровая болячка, или у человека какая болезнь ходит в теле и не оправится — дай пить, утопи в уксусе или в меду кислом и пей на тощее сердце — пронесёт, и моровую скоро, и внутреннюю выбьет вон».*

⁸ Девясил высокий (*Inula helenium* L.).

КОНЕВЫЙ ЩАВЕЛЬ⁹

Растёт на прелых местах. Ростом в колено и выше. Как метла на нём семечки. Если человек разобьётся, то давать корень его пить в уксусе.

ПОЛЫНЬ¹⁰

Пьют с мёдом от ломоты рук и ног; чистый желудок и направляет его.

ЁРШ

Растёт при реках у камней. Сама синяя, цвету нет. Как мох. Давать пить с молоком от ожирения.

ЧИСТЫЙ ЧИСТИК

Растёт при больших лесах и оврагах. Растёт кустиками; ростом в локоть. Похож на лебеду; сама трава голубая, корень жёлтый, а в нём — красно. Пареная в меду, полезна для угреватых лиц. Если груди у женщины болят — его надо припаривать.

ЗОЛОТУХА

Растёт на борах и на низких местах, при осиннике. Ростом пять вершков. Растёт кустиками. На ней по девять волотей¹¹, а сама перевита, как золотом, начиная от самого корня. Давать пить золотниками в молоке от болезни сердца и груди.

⁹ Щавель конский (*Rumex confertus* Willd.).

¹⁰ Полынь (*Artemisia* sp.) [?].

¹¹ Вóлоть (волóтина) — стебель травянистых растений вместе с плодом.

ПОЛЕВОЙ ДЯГИЛЬ

Растёт по горам. Ростом в локоть. Наверху беловатые кисти маленькие. Дух медистый. Корень как перец. Полезна при болезни зубов. Корень держать на губах.

ОСОКА¹²

Растёт на болотистых и речных местах. Ростом высока. Наверху стручки. Цвет синь. Корень крепок и жесток, как дуб. Корень истолочь вместе со цветом и стеблем, смешать в молоке или уксусе и давать пить человеку при кровавом поносе.

ЁРХА

Растёт по ольховникам. Сама светло-белая, как булабочки. Цвет, что пыльца белая или жёлтая. Сама в иглу, а в неё желто. Смешать с кленовым листом, сварить щёлок и мыть голову — будут кудри.

ПОЛОШНЯК

Растёт подле рек и озёр. Ростом высокая. Цвет чёрный. Наверху палки чёрные. Пьют для уничтожения харкотины и при болезни позвоночного столба, спины.

МУРАМ

Растёт при болотах и при пашнях. Ростом с локоть. Цвет алый. На нём как шипы или иглы и взять нельзя. Давать пить чёрнонемочным¹³.

¹² Осока (*Carex* sp.). Если «цвет синь» — сизый, тогда это осока носатая (*Carex rostrata* Stokes), по-видимому привлёкшая внимание человека своим отличительным оттенком, выделяющим этот вид из числа других осок.

¹³ Чёрнонемочный — страдающий припадками истерии.

СМОТОК

Растёт на старых лугах. Ростом пять вершков. Цвет синь и как шапка. Смешать с овечьим щавелем и прикладывать к ранам, что костоед точит — скоро излечится.

МОЛОТИЛО (МУРАВА)¹⁴

Растёт на пашне. Вершинки зелены. Рвать на ветру. Парить в укусе и давать пить в парном молоке нервнобольным.

ПУХЛЕЦ¹⁵

Растёт на пашнях. С собой бела и цвет бел. Угодна от грыжи пить в кипячёной воде. Составить из него на коровьем масле мазь и мазать сеченые раны, только опасаться надо, чтобы не остудиться.

ПЫРЕЙ

Растёт на лугах и против воды. Сама мягка. Цвет синь, корень бел. Держи на дворе и птичнике. Полезно окуривать пчёл.

СКОРОПРИТОЧНАЯ¹⁶

Растёт на берегу рек около папоротников. Сама зелёная. Наверху ягоды гроздьями: красивые, белые, как перец. Ягоды едят от болезни живота; от тоски пить разбавленные в воде, хотя будет страшно больно.

¹⁴ Молодило кровельное (*Sempervivum tectorum* L.) [?].

¹⁵ Жабник полевой (*Filago arvensis* L.) [?].

¹⁶ Паслён сладко-горький (*Solanum dulcamara* L.) [?].

ВОРОНЕЦ

Растёт на борах и на худых местах. Цвет и корень — красны. Цвет и корень истолочь и давать людям, которые опревают: запаха не будет.

НАСОН¹⁷

Растёт на каменистых местах и по орешникам. Сама не велика. Цвет красноватый, листочки как стрелочки. Наверху стручки, а в них — семена. Корень бел. Корень истолочь и давать порошок, кто бредит по ночам. Семена её размочить, смешать с мёдом и лечить больных глазами, не запуская.

МЫШКИ¹⁸

Растёт по селищам, по огородам. Вьётся по крапиве — напротив солнца. Как гречиха. Превратить её в порошок, а равно выпаренным соком пользоваться пьяниц, бессонных детей и слабых головами.

ЛЕБЕДА¹⁹

Смешать с коровьим маслом и давать скотине.

СОРОЧКА

Растёт при больших лесах. Ростом пять вершков. По сторонам по два листочка. Цвет на ней белый. Где одна, тут около много. Ствол превратить в порошок и давать от грыжи. Корень и цвет истолочь и погрузить в уксус, смешать с

¹⁷ Чина весенняя (*Lathyrus vernus* (L.) Bernh.).

¹⁸ Гречишка кустарниковая (*Fallopia dumetorum* (L.) Holub) и Гречишка вьюнковая (*Fallopia convolvulus* (L.) Á. Löve).

¹⁹ Лебеда (*Atriples* sp.) [?].

крапивой и пить от грыжи. Если глаза болят, то мочить веки, а когда ребёнок родится, смочить глаза и губы.

ДИКАЯ КРАПИВА

У кого мочевого канал не будет давать мочи, то смешать с огуречным семенем, распарить и прикладывать.

АДАМОВА ГОЛОВА

Рвут её 23 июня или вечером, или рано на заре; сорвать сквозь серебро. Корень размешать в уксусе и давать кликушам. Если женщина бесплодна, то цвет, стебель и корень развести в козьем молоке и дать пить — тогда женщина родит дочь и сына. Корень, как человек: и голова, и руки и ноги.

МУРАВЕЙ

Растёт при дятловинах²⁰ около старых дубов. Находят её только мудрецы. Растёт кустами на четыре угла. Листочки крестиками. Обладает страшной силой. Никакое железо не стоит от неё. В огне она производит страшные взрывы. Сквозь неё ни петля, ни нож не в силах пройти или сломить. Хорошо иметь эту траву. Берётся с молитвами «Отче наш», «Богородица» и «Да воскреснет Бог».

БЕЛЬ

Растёт на старых лугах, где землянка. Растёт кустиками. Имеет восемь вóлотей. Цвет, как снег. Их соком чистят ружья. Необходимо иметь охотникам.

²⁰ Дятловина — дикорастущий красный клевер.

ПЛАКУН²¹

Растёт в воде и около воды, в болоте и грязи. Ростом аршина два. Цвет на ней багровый и долгий. Корень длинный, а не толстый. Она всем травам мать. Её брать первую. Ко всякому составленному лекарству и немного прибавлять и тогда лекарство будет иметь целебную силу. Давать пить, когда человек надорвётся или когда у него понос. Всякий человек должен эту траву у себя иметь.

РАСТРЕЛ

Растёт по лугам и в жилах²². Вышиной в локоть. Листья широкие, корень большой и круглый, весь извилистый. Цвет синий, весьма красивый — как свеча горит и рук не жжёт. Прежде, чем его сорвать, необходимо сперва постлать на землю белый плат, чтобы он валился на него, а как свалится, то сразу залить в воск. С ним человеку ничего не следует бояться, с ним человек может быть невидимкой. Чтобы сорвать его, надо запастись травой одолин, плакун, адамова голова, попутчик и корень. Цветёт с двенадцати до часу ночи на Иванов день.

ОДОЛИН²³

Растёт в воде и близ берега при малых реках. Она — отец всех травам. Похожа на дягиль. Цвет бел и как шапка нежный и гладкий. Корень белый, как хлопчатая бумага. Надо её иметь, чтобы травы другие легче искать.

²¹ Сабельник болотный (*Comarum palustre* L.) [?].

²² Жило — населённая местность.

²³ Кувшинка чисто-белая (*Nymphaea candida* J. Presl et C. Presl).

ПОПУТЧИК²⁴

Растёт подле дорог. Листочки лежат на земле, посредине столбик с семечками. Сок — от внутренних человеческих болезней. Листья высушить, настоять в воде и прикладывать к ранам. Если взять в рот три листочка, то пчёлы не будут жалить.

АМЕНА

Растёт по земляничнику. С собой мала. Тянется ничком. Сама темна, ростом в иглу. Цвет белый. Кто её носит, будет счастлив.

КУКУШКИНЫ СЛЁЗКИ²⁵

Растёт по березняку. Листочки долгонькие с пёрышками. Корней два: один — ядрёный, а другой — вялый. Давать пить людям, которые живут в постоянной между собой ссоре.

ШЕЛКОВНИК²⁶

Вьётся по крапиве. Взять её сок и самоё её в порошок истолочь и смешать с этим соком. Давать сумасшедшим людям от укуса бешеной собаки.

БУЛЬ

Растёт верхним концом против воды. Когда сорвёшь, она поплывёт вверх. Бери в рот и сломаешь любое железо.

²⁴ Подорожник большой (*Plantago major* L.).

²⁵ Любка двулистная (*Platanthera bifolia* (L.) Rich.)[?].

²⁶ Повилика европейская (*Cuscuta europaea* L.) [?].

СОРОЧИЙ ЩАВЕЛЬ

Растёт по дорогам и по полю. Растёт кустиками. Ростом мала. Листочки, что денежки. Высушить, истолочь, смешать с коровьим маслом и прикладывать к укушенному змеей месту, а равно и после укуса бешеной собаки.

МУРАВЕЙНИК

Растёт по крупному березняку и возле муравьиных куч. Ростом в три четверти. Листья продолговатые, широкие, как на свёкле, ствол толстый и делится на три угла (границы). Цвету не бывает. Корень красный и жёлтый. Искать надо 12–13 августа в двенадцать часов ночи, захватив с собой одолин и плакун. Высушить всю и превратить в порошок, смешать в уксусе и давать людям, тоскующим и не желающим жить — эта болезнь пройдёт. Корень в порошке на деревянном масле²⁷ может излечить чахотку.

ДЕРЯБА

Высушить и варить в закупоренном горшке ночи две, а настойку её пить от сильного запора.

БУСОВНАЯ ТРАВА

Высушить и варить в самом жару. Отвар пить от грудных болезней.

²⁷ Деревянное масло — низший сорт оливкового масла; использовалось ранее в примитивных светильниках.

СКАЗКА ПРО ОДОЛИМ¹

Жила у нас в деревне Авдотья Бараниха. Была она вдова и имела трёх детей мал-мала меньше. Бараниха была баба сильная, здоровая, работала, как вол, не сгибая спины, стараясь поставить на ноги своих малышей, не допуская их до нищеты: сама и пахала, сама и сеяла, сама и боронила, и сама же собирала со своих полей урожай, Божью награду за труды.

Но как ни билась вдовица, как ни работала, а всё в доме нехватки, всё нужда. Из-за нужды и подати платила несправно. И вот по настоянию старосты, которому надоело отсиживать за неё в «холодной» при волости, старики порешили землю у Баранихи отобрать.

Узнала о решении общества и Бараниха. Как узнала, так и заревела: ведь без земли её придётся идти с ребятами по миру.

Сидит она поздно вечером в канун того дня, на который назначена была объявка об отобрании у неё земли. Все в деревне давно уже спали, а ей, бедной, не до сна. Сидит она у окошечка и думает всё ту же горькую думушку. И видит: идёт по деревне уже немолодой странник с котомкой за плечами и палкой в руке. Идёт он прямо к ейной избушке.

— Беседу́й², хозяйка! — приветствовал Бараниху странник, остановился у окна, перед которым она сидела, а сам таково ласково смотрит на неё.

¹ Печатается по: Карн А. Одолим // Голос. 1913. № 205. С. 2. Из послесловия: «Сказка про «одолим» взята из Мологского уезда, где она распространена почти повсеместно. Многие предприимчивые люди наживаются на деревенской темноте, предлагая женщинам за 1–5 рублей купить у них «одолим», в большинстве случаев — корень первой попавшейся травы».

² Беседу́й — здравствуй.

И сразу хорошо почему-то сделалось на душе Авдотьи от этого взгляда.

— Здорово, странничек Божий!.. Куда путь-дорогу держишь? — ласково ответила вдова на приветствие странника.

— Иду я издалека, касатка, сегодня уже десятый день в пути, а куда иду — тебе нельзя знать. Приуморился я сильно, ноги отказываются служить. Коли бы пустила ты переночевать — отдохнул бы с радостью, а не пустишь — пойду дальше, делать нечего. А у тебя, кажется, большое горе, может быть, я тебе и помогу в нём.

Слушает Авдотья странниковы слова и дивуется, откуда тот знает о её горе. И хочется ей пустить странника, да боится: вдруг увидит кто из соседей! Ни весть, что наскажут тогда на неё, честную вдовицу.

А странник будто угадал мысли ейные и говорит:

— Не бойся, касатка, людей — худа из того, что я у тебя в избе переночую, не будет.

Поверила Бараниха и позвала к себе странника.

Вошёл он в избу, всё честь-честью, как и следовало быть, помолился перед святыми иконами, хозяйке в пояс поклонился и, по её приглашению, стал снимать с плеч свою котомку.

А Бараниха тем временем уж и ужин приготовила гостю. Крестьянский ужин известно какой: покрошила луку в миску, полила туда квасу и, подавши на стол хлеб, позвала странника.

Ужинает странник, на хозяйку посматривает. А та стоит да вздыхает: горе своё с ума не идёт у неё. И спрашивает он:

— Ну, касатка, говори мне теперь про своё горе-несчастье!

Взглянула Авдотья снова на странника, а тот, как и давеча на улице, опять ласково смотрит на неё. И снова сделалось ей хорошо от этого взгляда. И сразу почему-то угадала она, что не простой человек сегодня посетил её бедное жилище — поверила и рассказала, заливаясь слезами, о своём горе страннику.

Тот выслушал её рассказ, покачал головой, посетовал на жестокость людскую, да и говорит:

— Не печалься, голубка, помогу я твоему горю. Не отнимут у тебя земельку. Дам я тебе вот корешок сейчас, «одолим» называется.

Странник стал рыться у себя в котомке — навяжи ты его на гайтан, на котором крест носишь. Навязывай, не бойся: не какое-нибудь колдовство тут сокрыто, а корешок чудной травы, которая даётся только людям избранным. Корешок этот освящён в трёх церквах и имеет силу одоления врагов. Кто носит его, тому никакой враг не страшен. Вот, на, бери, и носи его на славу Божию, — странник подал Авдотьё какой-то маленький предмет, завернутый в тряпицу, — пока «одолим» с тобой — у тебя не будет врагов; ты всех одолишь и не силой одолишь, а словами. И ты завтра же убедишься в этом.

Как зачарованная, слушала Бараниха слова странника: и верится ей, и не верится. Всё-таки взяла узелок у странника и, отойдя в угол, надела его себе на шею.

Проснувшись утром, странника в избе Бараниха уже не нашла. Подумала было она, что всё это ей приснилось, да взглянула на гайтан, увидела там узелок и поверила, что странник и впрямь был у неё в гостях.

А к полдням и сход собрался. Толкуют мужики между собою, смекают как бы греховное дело получше обработать: ждут Бараниху. А та Богу молится — на Него, да на «одолим» уповаёт.

Помолившись, и на сход отправилась. «Иду это я, — рассказывала потом сама Бараниха, — иду, а сердце в груди так и трепещет, слова так и просятся с языка».

А как стал староста читать постановление общества об отобрании у неё земли, как закричит она:

— Креста на вас нет, окаянные! По́ миру что ли хотите пустить меня с малышами?.. Смотрите, накажет вас Господь за меня, за ваше греховное дело!..

А сама «одолим» ощупывает. И чудное дело совершилось. Первым заговорил Якимка Рябой, сосед ейный.

— И впрямь, братцы, не дело мы затеяли. Ну, куда она с малышами-то ребятами денется? Не по-Божьи это, не по-Божьи...

А этот самый Якимка всех больше кричал, чтобы землю у неё отобрать, раз недоимку она плохо платит.

За Якимкой и другие мужики заговорили и у всех на языке только одно: «Не по-Божьи отбирать землю у Баранихи, грех обижать сирот!».

Носится староста между мужиками, доказывает, что он из-за Баранихи терпит неприятности от начальства. Куда тут — и слышать не хотят!

Мало того — тот же Якимка Рябой заспорил со старостой, да как закричит:

— Всем опчеством будем Авдотье помогать, недоимки будем за неё сами вносить!..

И все мужики это подтвердили.

— Словно взбесились все, — горячится староста.

А Бараниха как встала на месте, когда на мужиков кричала, так и застыла тут, как окаменелая. Стоит не шелохнясь руки к груди прислонила, на того, да на другого из мужиков поглядывает.

Бился, бился староста, да видит, наконец, что делать нечего, уступил. И осталась Авдотына земля за нею.

С той поры мужики не только, что вдову заботить, а даже помогать зачастую стали, и особенно, когда узнали из ейного рассказа, что она «одолимом» владеет. Вспахать-ли что, взборонить-ли, засеять-ли, или же, наконец, недоимку внести, деньжонок ей ссудить — во всём нет ей от соседей отказа.

И чудное дело: как только кто поможет в чём-нибудь вдове, поможет от чиста сердца, так у того на будущий год на полях урожай небывалый... У соседей озимь и червь поест, и градом её побьёт, а у того человека ничего не сделается. Видя такое чудо, пробовали-было кое-кто из соседей из корысти (и у нас, мол, уродился!) ей помочь, да не вышло по-ихнему.

А у самой Баранихи каждый год урожай, всё больше всех хлеба уродится.

Так вот он каков «одолим»-то!.. А вы всё не верите... Кабы сами увидели, так поверили бы, небось...

СКАЗКА ПРО ОСИПА И МАЛАНЬЮ¹

Жили Осип и Маланья. Маланья Осипа не любила. Потом уж Осип узнал, что Маланья его недолюбливает. А Маланья подумала: «Я Осипа изведу!». Осип и говорит Маланье, что есть такой Никола Дуплинский — он всё знает; а находится ён в таком-то месте — в дупле сидит.

Взял Осип кринку, нашёл у Маланьи сметаны, голову выдрыбал и бороду тоже²; забежал в это дупло, в гнилую осину, и сел. Потом Маланья пришла: «Никола Дуплинский, не знаешь ли, как мужа извести?». «Навари каши, — отвечает тот³, — да намажь масленей, масленей. Оладей напеки да блинов, да тоже масленей намажь. Ён каши нахлебается и ослепнет, а с оладей оглохнет, а с блинов владенье⁴ не будет — совсем урод будет. Чево хошь, то и делай с ним».

Пошла, побежала Маланья домой. И Осип пришёл ровно из лесу, ровно дрова рубил⁵: «Давай-ко пообедай мне». «Ладно, — говорит Маланья, — садись». Каши наклала мас-

¹ Публикуется впервые по материалам рукописного журнала Рыбинского научного общества «Родной край» (1920. № 2. 15 июля; ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. С-8483. Л. 84–85). Записана Е. Пигиной в дер. Новинки Брейтовской вол. Мологского у. Оригинальный текст обработан А. Клоповым с сохранением основных лексических и стилистических особенностей первоисточника; удалены дискурсивы («слова-паразиты»), сделаны незначительные коррективы для лучшего понимания смысла и связности рассказа.

² То есть вымазал сметаной волосы и бороду (выдрябать — выпачкать, загрязнить).

³ Осип, притворившийся Николаем Дуплинским.

⁴ Владенье — сила, ловкость.

⁵ Ровно — словно, как будто.

лено, маслено, и оладей наложила, и блинов — всё, что сделала.

Нахлебался Осип каши, да и начал шарить по столу: «Что-то, Маланья, ослеп совсем, да и оглох как-то, да и владенье не стало во мне». «Ну, дак, Осип, поди, ляг на печку», — говорит она. Его уж под руки ведёт. Сошёл ён на печку.

А сейчас любовник Маланьи пришёл, ворвался. Она бутылку вина принесла: «Садись!». А сама за чем-то из избы побёгла. Осип полюбовника с печи-то и убил, застрелил ружьём; соскочил с печи, напихал в рот ему каши, оладей, да сам опять на своё место.

Бежит Маланья: «Объелся! Да что же ты наделал! Говорила, что не допекайся, вот и объелся». А Осип помéживает⁶ — не ево дело.

А любовник-то лежит под столом. Одумалась Маланья — делать надо чего-нибудь. И закричала: «Осип! Осип!». Не слышит. Насилу докричалась кое-как: «Какой-то мужик пришёл, да и объелся кашей. Давай оттачим ево в кусты да завалим одеждой — пушай лежит».

Это дело было в жнитво⁷. Маланья в те поры жать пошла в поле. Нажалá снóпик, в головы⁸ положила и спать легла. Потом пришла домой. «Много ли нажалá?» — спрашивает Осип. «Полпята пята, — говорит, — да ещё полпята пята».

Поужинали и спать легли. Поутру Маланья опять жать пошла, а Осип побежал за ней: что она, мол, там делает? Пришёл: Маланья спит. Взял, да и остриг Маланью, сам домой побежал. Тут и Маланья обудíлась⁹, взяла себя руками за голову: «Я Маланья, да голова у меня баранья. Пойду домой. Как дома — так я не Маланья, а как нету — так я Маланья».

Пошла к Осипу. Насилу докричалась: ён не слышит, ён глухой, не видит и не слышит. «Осип, у тебя дома Мала-

⁶ Помéживать — хлопать глазами, бессмысленно смотреть.

⁷ Жнитво — уборка хлебов, жатва.

⁸ Голова — нижняя часть снопа.

⁹ Обудíться — проснуться.

нья?». «Дома», — бает. «Ну, значит, я не Маланья» — и пошла, побежала.

Идут ей навстречу недобрые люди, воры идут; посадили её в чулан на повити в чужой дом: «Давай, выкидывай в окошко чего помягче». Бросила им шерсти, да и кричит: «Нате, мягче этого нету». Тут хозяева и услышали. «Потише», — говорят воры Маланье. А Маланья не слышит. Обудились хозяева — воры убежали, а её в яму картофельную посадили.

Пришли хозяева, а она выбирает картофель, да и считает: «Две репки на семена, две репки на емена, да две репки сама съем». Хозяева испугались, убежали, да и говорят: «Цудо, цудо в яме!». Надо за попом бежать, молитву страшную отчитывать. Поп нейдёт пешком: «Грязно, а у меня башмаки новые — замараю». «Давай на закукрах¹⁰ снесу», — говорит мужик.

Принёс попа туда. Она в яме опять также: «Две репки на семена, две репки на емена, да две репки сама съем». И поп побежал от ямы — не сказал, что башмаки новые.

А потом Осип снёс мёртвого любовника к богатому мужику, да к стенке в приходе и поставил. Буржуй выходит утром: «Какова-то погодушка сегодня!?!». Стал он отворять лазейку¹¹ — мужик и упал. А Осип стоял тут: «Что ты сделал? Человека убил!». — «Братец, не сказывай. На тебе сто рублей».

Осип утащил мужика, да и положил его где-то в поле, к богатому мужику на лошадь. Тот лежит, а идёт богач: «Эх, какой подлец! — говорит. — У меня на лошади лежит...». Да и хватъ его стягом¹² — мужик и свалился. А Осип кричит: «Что ты тут мужика убил!?!». — «Брат, не сказывай. На тебе сто рублей».

Уж не знаю, куда он мужика дел — на погосте, видно, зарыл. А Маланья пропала: уж она сказала, что Маланья, а голова баранья.

¹⁰ Закукры — верхняя часть спины.

¹¹ Лазейка — дверь.

¹² Стяг — жердь или кол, к которому привязывают скотину.

СТАРЫЕ РУССКИЕ МЕРЫ

Аршин — единица измерения длины (0,7112 м).

Ведро — единица измерения объёма жидкости (12,299 л).

Вершок — единица измерения длины (44,45 мм).

Верста — единица измерения расстояния (1066,8 м).

Десятина — единица измерения земельной площади (1,09 га).

Дюйм — единица измерения длины (25,39954 мм).

Осмíна — единица измерения объёма сыпучих материалов (104,956 л).

Пуд — единица измерения веса (16,3805 кг).

Сажень — единица измерения длины (2,1336 м).

Сам — единица измерения (оценки) урожайности; например, сам-5 означает 1 к 5 (собрано в пять раз больше посеянного).

Четверíк — единица измерения объёма сыпучих тел (26,24 л).

Четверть — единица измерения длины (17,78 см).

Штоф — единица измерения объёма жидкости (1,2299 л).

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-составителя 5

I. ОЧЕРКИ И СТАТЬИ

Малиновский В. П. **Быт и занятия государственных крестьян Грязливецкого сельского общества**..... 9

Лавров В. А. **Выльницы в Мологском уезде**..... 22

Лавров В. А. **Божатки в Мологском уезде** 25

Лавров В. А. **Из этнографических заметок о Мологском уезде**..... 27

Овсянников А. Ф. **Заговоры против лихорадки и зубной боли** 29

Овсянников А. Ф. **Нравы поселян в Мологском уезде**..... 32

Овсянников А. Ф. **Замечательное дерево в Мологском уезде**..... 37

Овсянников А. Ф. **Пьяная Молога** 39

Соколов В. Н. **Отвóдины в Княжич-Городецком приходе**..... 44

Лисицын Н. О так называемых мольбах.....	47
Овсянников С. А. Пасхальная неделя в Мологском уезде.....	49
Мусин-Пушкин С. А. Этнографический очерк Моложского уезда	56
Парменов К. Моды в мологской деревне	61
Лесовик Г. В. Население, занятия и промыслы в Леонтьевской волости Мологского уезда	70

II. АНТОЛОГИЯ ФОЛЬКЛора

Песни	89
Частушки.....	100
Пословицы и поговорки	123
Приметы	125
Травник Тимофея Рыжикова.....	128
Сказка про одолим	140
Сказка про Осипа и Маланью	144
Старые русские меры	147

**МАТЕРИАЛЬНАЯ
И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА
КРЕСТЬЯН
МОЛОГО-ШЕКСНИНСКОГО КРАЯ**

Этнографический сборник

Редактор-составитель
Анатолий Клопов

Художник-иллюстратор
Вера Добрынинская

*Книга издана при поддержке
Президентского фонда культурных инициатив
по проекту «МОЛОГАФЕСТ 2.0. Хранители огня»*

Подписано в печать 02.12.2024
Формат 60×90/16. Гарнитура Old Standard TT
Усл. печ. л. 10. Тираж 500 экз.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЕРЫ ДОБРЫНИНСКОЙ

Если кто украл, то виновного кругом обвешивают крадеными вещами и, собравши весь народ на улицу, с барабанным боем, то есть со стуком в доски, в сковороды, в жестяные листы, проводят вдоль улицы и в заключение при всём собрании народа наказывают розгами. (С. 11)

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЕРЫ ДОБРЫНИНСКОЙ

Вот что говорят повитухи о щетинке: когда беременная женщина поест свинины, то носимый ею ребёнок поражается болезнью щетинкой. И если ребёнок родится больным, то деревенская повитуха докопает его. (С. 25)

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЕРЫ ДОБРЫНИНСКОЙ

Ещё до рассвета, перед заутреней, девица отправлялась на повесть, взяв шайку холодной воды и там, раздевшись, окачивалась. Если в момент окачивания загадывающая о будущем не охнет, то это значит, что весь год проживёт она не охнувши, то есть в довольствии. (С. 27)

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЕРЫ ДОБРЫНИНСКОЙ

Кому из здешних жителей не приходилось слышать укоризны: «Эх ты, пьяная Молога!». В этой щекотливой для нас фразе есть историческое основание. Известно, что на месте нынешнего города Мологи существовала когда-то ярмарка и было в ней ровно 77 кабаков. (С. 39)

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЕРЫ ДОБРЫНИНСКОЙ

Погостив у молодых, вся родня толпой отправляется к тому, кто первый со стороны невесты явился звать на отводины. Поевши и попивши у этого первого, переходят к другому, и так далее, пока не побывают у всех. (С. 45)

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЕРЫ ДОБРЫНИНСКОЙ

Такой «питерский» щёголь быстро завоёвывает неопытные сердца деревенских красавиц, и перед ним очень скоро стушёвываются и отступают на задний план неповоротливые «Ванюхи» и «Митюхи», которым быть хуже, разумеется, не охота. (С. 62)

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЕРЫ ДОБРЫНИНСКОЙ

*Разливалась Волга-матушка река,
Потопляла все зелёны берега.
Оставался один зелёный лужок,
Становились все некрүтики в кружок (С. 93)*

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЕРЫ ДОБРЫНИНСКОЙ

*Что ты, милый, окосел?
Не на те колени сел!
Ничего не окосел —
Куда хотел, туда и сел. (С. 101)*

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЕРЫ ДОБРЫНИНСКОЙ

«Креста на вас нет, окаянные! По миру что-ли хотите пустить меня с малышами?.. Смотрите, накажет вас Господь за меня, за ваше греховное дело!..». А сама «одолим» ощущивает. И чудное дело совершилось... (С. 142)

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЕРЫ ДОБРЫНИНСКОЙ

Пришли хозяева, а Маланья выбирает картофель, да и считает: «Две репки на семена, две репки на емена, да две репки сама съем». Хозяева испугались, убежали, да и говорят: «Цудо, цудо в яме!». Надо за попом бежать, молитву страшную отчитывать. (С. 146)